

Дарья Федотова

ПОДОЖДИ СИЯНИЕ СЕВЕРА

Даже самым сильным
нужна семья

18+

Дарья Федотова
Подожди. Сияние Севера
Серия «Подожди», книга 2

<https://litres.ru/73915573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть дилогии.

Потерять все и оказаться взаперти в исследовательской лаборатории на холодном, темном острове, где нет ни сострадания, ни надежды. Такая плата за спасение человечества выпала на долю Святого Грааля — особенной девочки, в крови которой течет тайна.

Ева прошла долгий, сложный путь, но она еще не догадывается, что это лишь начало. Сможет ли она противостоять главе ищеек — самому жестокому человеку на всем острове, который жаждет ее крови? И кто на этот раз станет ее союзником, если она всех потеряла?

Внимание: в книге отсутствуют постельные сцены и ярко выраженная любовная линия. Возрастной ценз 18+ установлен из-за сцен насилия, курения и употребления алкоголя.

Содержание

Глава	4
1. Подожди новый день	5
2. Подожди, когда найдешь в себе силы	18
3. Подожди, время лечит	32
4. Подожди сияния Севера	51
5. Подожди, скоро явится тьма	67
6. Подожди подарка судьбы	80
7. Подожди, ты не будешь одна	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Подожди. Сияние Севера

Глава

Все началось у старой башни, Когда раскрыли
мой побег. Ты знаешь, было очень страшно, Ведь
я обычный человек. У металлической колонны,
Подножие башни а-ля-Франс, Мы все нарушили
законы, Хватаясь за последний шанс. Теперь там
спрятаны секреты О вечной жизни и любви. Мои
последние рассветы Прошу, ты только сохрани.
Огнем охвачена лаванда, А с ней затянута петля.
Но даже тайну фолианта Я не раскрою никогда.
Все началось у старой башни Среди мелькающих
фигур. O, mon amour, будь же отважным. До
встречи там, à la vieille tour.

1. Подожди новый день

Воткнуть шпильку в горло и выпрыгнуть в окно. План хорош, но есть несколько тонкостей. Во-первых, Еве не хватает сил. И роста. Однажды Вадим уже одолел ее на пляже, и ничто не помешает ему сделать это снова, тем более в центре Неутопии. С тех пор прошло четыре месяца, а Еве до сих пор казалось, что она чувствует в легких холод, а на губах – соленый вкус морской воды. Во-вторых, она — не он. Не ищейка. Не кровожадная убийца. Не чудовище. Это основная причина, которая останавливала ее от плана мести. А еще пятый этаж. И это уже в-третьих.

Но Ева не отказывалась от черных мыслей, заполонивших ее разум и сердце. Только так она продержалась в окружении врагов на острове, который не знал ни тепла, ни сострадания, ни пощады. Если бы не планы мести, то боль, наверное, разорвала бы ее сердце в клочья. Хотя каждый раз, когда за маяком на краю Неутопии опускалось солнце, Еве казалось, что она умирает.

Она боялась закрывать глаза, ведь с темнотой приходило то, что хуже кошмаров. Воспоминания. И имена. Много имен. Все они отпечатались в сознании глубокими метками, и как Ева ни старалась, не могла выскоблить их оттуда. Они сменялись в голове так же, как и чувства в сердце. От боли

и обиды, до неконтролируемого гнева. В конце концов все заканчивалось слезами и криками.

Вот и сейчас имена царапали изнутри грудину, оставляя борозды на ребрах и разрывая легкие. Ева держалась за грудь, словно пыталась поймать крик и запихнуть его обратно в глотку. Пока она одной рукой старалась совладать с приступом, другой крепко сжимала подоконник, который не позволял ей упасть.

— Пора, — внезапно раздался мужской голос.

Ева вздрогнула. Справившись с припадком, она обернулась и бросила через плечо быстрый взгляд на вошедшего.

Игнат уже ждал ее. Его длинные темные волосы как обычно были собраны в пучок на затылке, а в мелких карих глазах застыло безразличие. Увидев его в первый раз возле своей двери, Ева испугалась. И дело не в том, что этот мощный, широкоплечий ищейка напал на их группу в лесу и ранил ее друга. Нет. Дело было в его болотном костюме с яркими оранжевыми вставками. Из этой же ткани был ее комбинезон, который у нее отобрали, и теперь он остался лишь в воспоминаниях. Когда потрясение отошло на второй план, оказалось, что все ищейки на острове ходили в такой одежде, но вопросов от этого меньше не становилось.

— Я не хочу, — прохрипела Ева, все еще не оправившись после списка имен.

— А придется, — ответил он то же, что и вчера, а Ева в очередной раз убедилась, что все на этом острове было про-

тив нее.

Она вздохнула, расправила складки на ненавистном фиолетовом вязаном платье и подошла к дверям. Как только она очутилась в коридоре, Игнат схватил ее за плечо. В отличие от остальных солдат Севера, приспешник Вадима всегда закатывал рукава куртки, обнажая чернильные рисунки на мускулистых предплечьях. И теперь эта рука сдерживала ее, не позволяя уйти. Пока что. Они стояли в коридоре и ждали, когда придет она: девушка, которую Ева за последние месяцы успела возненавидеть так же сильно, как и Вадима.

Стук каблуков по каменному полу заблаговременно сообщал всем о ее прибытии. Каждый шаг эхом отдавался у Евы в груди, возвращая ее злость. Спустя несколько секунд из-за поворота показалась стройная фигура в черном бархатном облегающем корсете на тонких бретельках. Широкие алые брюки с высокой талией развевались при каждом шаге, обнажая кожу на ногах в разрезах по бокам до самых бедер.

«Софи, с ударением на последний слог», — мысленно передразнила ее Ева, вспоминая первую встречу с северянкой.

— Доброе утро, мальчики! — звонкий голос Софи отскакивал от стен. Девушка уверенно шагала, виляя бедрами так, что охранники сворачивали шеи. — Скучали?

— Считали часы до рассвета, чтобы увидеть тебя, — ответил один из охранников.

Они с напарником стояли у широкого проема посреди длинного коридора, вдоль которого тянулись темные дере-

вянные двери. Одна из них вела в комнату Евы, остальные — в покои самых важных ищеек штаба. Разумеется, здесь жил и Вадим. Ева прожигала взглядом дверь в другом конце коридора, мечтая, чтобы оттуда вышел ищейка и увидел все, что тут творилось. Но его там не было. Иначе солдаты не позволили бы себе заигрывания с девушкой главаря.

— Выйдешь со мной в спарринг? — продолжил охранник.

— Ты давно не заглядывала в зал.

— Да зачем ей тренировки? Ты посмотри, она сегодня прекрасна, — подхватил второй.

Ева тихо прорычала. Она хотела поскорее вернуться в свою комнату, чтобы не видеть, как мужчины выпрыгивают из штанов, лишь бы понравится брюнетке, но Игнат сжал плечо девочки и остановил порыв. Та вздохнула. Без этой высокомерной девушки ей не уйти.

— Только сегодня? — лукаво спросила Софи, останавливаясь напротив мужчин. Она всегда красила губы яркой красной краской под цвет брюк и не упускала возможности, чтобы не скривить рот. Наверное, так она считала себя привлекательнее, но Ева бы поспорила с этим.

— Не слушай этого кретина, — первый охранник толкнул в бок второго и шагнул вперед. — Ты всегда прекрасна.

— Так-то лучше, — Софи подмигнула смельчаку и сбросила с плеча волнистые черные как уголь волосы. Пряди слегка задели грудь охранника, а следом рассыпались вдоль спины северянки.

Чернильная копна привлекла внимание Евы, когда они впервые встретились. В то время, как все говорили девочке про удобную одежду и короткие стрижки, северянка полностью опровергла всеобщие убеждения. Ее волосы струились до талии, а передние пряди девушка всегда завязывала узлом на затылке, что открывало ее большие темно-карие глаза. Вначале ее красота пленила Еву, но как только северянка открыла рот — чары развеялись. Девочка возненавидела ее в ту же секунду, как та назвала ее «святошей».

— А ты что скажешь, Игнат? — Софи достигла конца коридора и остановилась прямо перед дверью в комнату Евы.

— Ему на тебя плевать, — огрызнулась девочка и попыталась скинуть руку мужчины, но не вышло. Предугадав ее действия, он стиснул ее плечо сильнее.

— Я не играю с огнем, красотка, — раздался голос Игната. — Забирай девчонку.

— Но я не получила твоего благословения, бугай, — промурлыкала Софи и приблизилась к охраннику, задев корсетом нос Евы.

Девочка скривилась, отвернулась и высвободилась из чужих рук.

— Ой, ну хватит уже, — возмутилась она и вытерла ладонью кончик своего носа, как будто от одного прикосновения он испачкался самолюбием северянки. — Ты такая противная!

Софи закатила глаза, отпрянула от Игната и наклонилась,

поравнявшись с Евой. Прядь волос выпала из узла и теперь струилась вдоль лица девушки, обрамляя острые скулы.

— Не противнее тебя, — прошипела та.

Не успела Ева ответить, как на ее плечо снова приземлилась тяжелая рука. Теперь Игнат схватил обеих. Одним движением он развернул их за плечи в сторону лаборатории и подтолкнул в спины.

— Поторопитесь, — приказал он.

— Мы не закончили, — сладко пропела Софи, бросила на охранника дикий взгляд через плечо и энергично зашагала вперед. — Шевелись, святоша!

Ева с грустью признала очередное поражение и засеменила за Софи. Поначалу девочка не понимала, почему к ней приставили именно ее. Не Игната — правую руку Вадима, который путешествовал с ним по материку. И даже не самого главаря ищеек, который и притащил ее сюда. Не любого мужчину, который мог бы удержать Еву от побега. Нет. Перемещаться по зданию ей можно было лишь с этой раздражающей и чересчур громкой девушкой. Но позже Ева все поняла: от Софи невозможно скрыться.

Любой житель Неутопии знал, где находилась брюнетка каждую секунду. Она была слишком яркой, слишком громкой и слишком приставучей. Мужчины ею восхищались, женщины завидовали, но никто не осмеливался подойти. А все потому, что она принадлежала Вадиму.

Вот только Еву не остановили негласные запреты. В пер-

вый же день она пыталась сбежать. К несчастью, Софи не просто быстро бегала. На бедре, в разрезе ее брюк, хранился острый кинжал. Он то и оставил Еве шрам на запястье. Теперь она носила два рубца, второй из которых покрывал левое плечо после встречи с мутировавшими волками. С тех пор опрометчивые побеги не входили в планы девочки, но она не оставляла надежды выбраться с острова, на который так страстно пыталась попасть.

— Опять думаешь, как бы от меня удрать? — усмехнулась Софи, когда они пересекли коридор и вышли к лестничному пролету.

— Я всегда об этом думаю, — призналась Ева. — А еще, как бы вас убить.

— Всех нас? — северянка так просто говорила о гипотетическом нападении лишь потому, что совершенно не видела в Еве опасности, и ее легкомыслие задело девочку.

— Твоего парня точно.

— А меня? Неужели я причинила тебе столько же страданий, чтобы желать моей смерти? — Софи невинно надула алые губы и широко раскрыла и без того огромные глаза.

Ева промолчала, ведь северянка была права. Хоть она и дико раздражала Еву, но не сделала ей ничего плохого. Разве что резанула кинжалом. В остальном, просто сопровождала по зданию изо дня в день с одного этажа на другой.

Тяжело вздохнув, Еве в очередной раз пришлось напомнить себе, что она не монстр. Она не может желать смерти

всем, но с каждым днем это становилось сложнее. Ее сердце чернело, и Ева с трудом балансировала между желанием окунуться в гнев, как покрывало, и дать волю чувствам или упасть в бездну тоски и отчаяния. Она знала, что второго допустить никак нельзя, поэтому все больше натягивала на себя «одеяло ярости».

— Я хочу почитать записки папы, — сказала Ева, когда они спустились на четвертый этаж. До лаборатории оставалось всего два поворота, а значит, время на на уговоры заканчивалось. Штаб, или как называли его ищейки – Темная башня, напоминал Еве колодец: коридоры замыкались в квадрат, а внутри бетонного горла виднелась площадка для тренировок. Там Ева и получила шрам, когда пыталась сбежать. — Знаю, он работал где-то здесь.

— Ой, святоша, не начинай, — скривилась Софи и подтолкнула девочку в очередной бесконечный коридор. — Там ничего не осталось.

— Он был на Севере, нашел лекарство, и...

— И все спалил. Дотла, — перебила северянка. Она смахнула прядь волос, обнажая смуглые плечи и тяжело вздохнула. — Хватит гоняться за призраками, Ева. Иначе велик риск, что они тебя догонят.

Софи редко называла ее по имени. Видимо, ей действительно надоело об этом говорить, но Ева не сдавалась.

— Тогда где Джулиан? Он-то здесь, на Севере. Хочу его увидеть.

— Даже не мечтай об этом, — фыркнули в ответ.

— Но мне обещали...

— Кто? Вадим? Нашла, кого слушать, — девушка разразилась злорадным смехом. — Радуйся, что тебя не под замком держат. Своя комната с видом на море, шкаф, полный фиолетовых платьев, и ежедневные прогулки. Знаешь, пленникам обычно такие условия не полагаются.

— Я не пленница, а лабораторная крыса! — горячо выпалила Ева, вспомнив последние слова Германа. Он точно знал, какое будущее ее ждет на Севере и пытался предостеречь, но все оказалось зря.

Ева остановилась у входа в лабораторию и ткнула пальцем в красивый бархатный корсет Софи.

— Можете забрать свои платья и прогулки, меня от них тошнит. И от тебя особенно. Мне обещали Джулиана и записи папы. Я хочу их получить!

— Святоша, этого не будет, — Софи взяла Еву за плечо, но девочка вывернулась и отошла от нее на шаг.

Двери открылись, и из них показалось два лаборанта, готовые растерзать Еву, как делали это вчера, позавчера, и четыре месяца назад.

— Мне обещали!

— Забрать ее? — спросил один из них, направляясь к Еве.

— Не надо, она сама подойдет. Да, святоша? — Софи уперла руки в боки и наклонила голову. — Будь хорошей девочкой и сядь в кресло.

— Я лучше умру, чем еще раз заберусь на этот стул.

Как только слова сорвались с губ, Ева бросилась бежать.

Подол вязаного платья цеплялся за пятки ботинок. Пришлось резким движением подтянуть его до середины бедра.

«Ненавижу платья!» — успела подумать Ева, заворачивая за угол.

Не прошло и пары секунд, как она пожалела о своем побеге. Глупо. Очень глупо. Ее окружало столько охраны, лаборантов, ищеек, да и сама Софи чего стоила, но мысли были заняты другим. Она устала ждать, что ее спасут, что все закончится, что за ней вернуться. Ева чувствовала себя такой беспомощной и слабой, что просто была не в состоянии самостоятельно пересечь порог злосчастного кабинета. Лучше пусть ее затащат силой. Пусть делают, что хотят, но она не пойдет туда по своей воле.

Мимо проносились комнаты для исследований, лаборатории, кабинет врача и сад, в котором выращивали редкие растения. За спиной раздавались быстрые шаги, крики и злостные ругательства Софи, но их почти не было слышно. Она бежала по длинному каменному коридору, не оглядываясь. Морской северный ветер, прорвавшийся через распахнутые окна, трепал ее светлые волосы, и Ева снова почувствовала себя в лесу. Свободной.

Но счастье продлилось не долго. Уже на следующем повороте ее поймал ищейка. И не простой рядовой. Именно его Ева мечтала убить каждый день.

Вадим с размаху вlepил ей пощечину, и девочка отлетела на пол.

— Эй, потише! Она же Грааль! Нельзя так, — крикнула Софи, но не решилась подойти. Если остальные не могли даже смотреть в его сторону, девушка боялась только приближаться. Но она и на расстоянии вытянутой руки жалила колкими словами.

— Ошибаешься, — холодно ответил ищейка. — С ней я могу делать все, что хочу.

От одного голоса Вадима Еву выворачивало наизнанку. Она даже не посмотрела на него, чтобы не поддаться порыву. Стоит ей увидеть свое отражение в разноцветных глазах и почувствовать мятное дыхание, как обед определенно окажется на тяжелых ботинках самого ищейки.

Вот он. Человек, который отнял у нее свободу. Приложил руку к смерти тех, кто был ей дорог. Ева прорычала так громко, что волки в лесу отреагировали бы на ее рык. Она в одно мгновение вскочила с пола, обогнула Вадима и запрыгнула к нему на спину. Обхватив его голову, она нащупала ненавистные глаза и надавила на них пальцами.

Ищейка не ожидал нападения. Ева застала его врасплох. За все месяцы пребывания она ни разу не проявляла такую агрессию. Девочка сильнее надавила средними пальцами на глаза монстра, но как только Вадим закричал, она ослабила хватку. Испугалась. И это было ее огромной ошибкой.

Вадим воспользовался замешательством девочки, одним

движением скинул ее с себя и тяжелым армейским ботинком лягнул по ребрам.

— Господи, перестань! — взывала Софи. Вся ее легкость и игривость улетучились. — Она нужна нам живой!

— Сломанные ребра еще никого не убивали, — холодно бросил Вадим и снова ударил ногой.

Каменный коридор поплыл у Евы перед глазами. Во рту появился привкус крови. Девочка попыталась отползти от нападавшего, но ей не дали шанса. Ищейка схватил ее за волосы и поволок к дверям, от которых она так отчаянно бежала.

Душераздирающий крик заполнил коридоры. Ева верещала и вырывалась через боль в ребрах и голове. Софи неслась следом и пыталась образумить Вадима, но он никого не слушал.

Увидев проклятый стул, Ева отчаянно закрутилась, но ищейка сильно стискивал ее волосы. Перехватив хват, он одним движением поднял ее с пола и пригвоздил к креслу. Ева не переставала кричать и вертеться, но сопротивление не помогло избежать участи и ремней на конечностях.

— Возьмите сегодня двойную дозу, — распорядился главарь ищеек.

— Вадим! — Софи попыталась вступиться, но он грубо схватил ее за предплечье и потащил к двери.

— Ненавижу тебя! — громко закричала Ева ему вслед, срывая голос. — Ненавижу! Я выберусь отсюда, слышишь?!

Ты пожалеешь, что напал на моих друзей, что нашел меня и что вообще сожрал те красные ягоды!

2. Подожди, когда найдешь в себе силы

Он так сильно сжимал края раковины, что костяшки побелели, а кончики пальцев стало покалывать, но парень не замечал этого. Все, что он слышал – ее вопли в лаборатории.

— Ты никогда не найдешь лекарство! Никогда! — Ева перешла на визг. Послышался шум, а затем крики лаборанта и металлический звон. Кажется, упал поднос.

— Она меня укусила! — возмутился первый.

— Привяжи ей голову! — ответил второй, а следом раздалось шуршание.

Голоса хоть и доносились из конца коридора, но все же пробрались в общую ванную комнату на этаже. Парень сильнее сжал раковину и тряхнул головой, не желая думать о Еве, но крики возвращали его в тот самый день на пляж. И вместо одного голоса, в голове раздался целый хор.

«Заткнись»

«Я всегда знал, что ты такой»

«Предатель»

Кулаки разжались, скрипнул кран и из трубопровода потекла холодная вода. Парень наклонился, набрал в ладони и сполоснул лицо. Затем опять оперся о раковину и, наконец,

осмелился на себя посмотреть в небольшое зеркало на стене.

Под узкими темно-синими глазами залегли тени, скулы обострились, а лицо осунулось. Волосы стали короткими, напоминающими стрижку ежа, а вместо бороды осталась лишь легкая щетина. Теперь он носил болотный костюм с оранжевыми вставками, очень напоминающий смешной комбинезон Евы.

— Ты пытался ее спасти, — стиснув зубы, сказал он отражению. — Если бы не ты, ее бы сразу убили.

Но человек по ту сторону не верил его словам. Тогда парень еще раз плеснул на себя водой и снова заглянул в зеркало, как будто за несколько секунд отражение поменялось. Но нет. На него смотрел все тот же одинокий, потерянный человек.

— Денис, ты закончил? — женский голос так неожиданно вторгся в ванную комнату, что парень вздрогнул и мгновенно выключил воду.

— Ага, уже выхожу, — он наспех вытер руки о штаны и, не желая больше видеть свое отражение, быстро направился к выходу.

— Неужели даже ничего мне не скажешь? — северянка оперлась о дверной проем и начала передразнивать парня, активно жестикулируя руками. — Софи, тебя не учили стучаться? Софи, я же мог быть голым!

— Не сегодня, — Денис слабо улыбнулся, дружески похлопал ее по плечу и прошел мимо. К счастью, в этот раз

приставучая громкая девушка за ним не последовала.

Он очутился в коридоре, который так напоминал его жизнь. Темный, холодный и пустой. Но он знал, что за ним следили. Камеры торчали по углам и передавали Вадиму местоположение каждого. Покосившись на красную мерцающую лампочку под потолком, Денис сгорбился и зашагал прочь.

От северного ветра хотелось скрыться даже в помещении. Расшатанные окна пропускали внутрь холод, напоминая, что теплые летние ночи остались на материке в тех днях, когда Дениса еще называли охотником. Он поднял стойку воротника и хотел уже свернуть, как заметил, что дверь в лабораторию оставили приоткрытой. Он замер. Сердце заколотилось, а душу начали терзать сомнения. Стоит ли заходить? Так и не определившись, как поступить, Денис приблизился к двери и заглянул внутрь.

Лаборанты уже ушли, оставив ее одну. Она лежала на огромном бежевом кресле, которое было больше нее в два раза. Оно стояло в центре светлой комнаты, будто его установили здесь специально для нее. Вдоль стен тянулись стеллажи и шкафы со стеклянными дверцами, за которыми выстроились в ряд разноцветные бутылки, шприцы, таблетки, склянки и оборудование, назначение которого Денис даже не знал.

Прямо напротив кресла вытянулось окно. Ева устремила в него взгляд и терпеливо ждала, пока багровая кровь бежа-

ла из вен и собиралась в прозрачный мешочек. Ее рука распухла от игл, а на месте уколов образовались гематомы. Лаборанты не отличались вежливостью. Для них Ева — всего лишь исследовательский образец.

Денис невольно вспомнил первые дни на острове. Он подглядывал из-за угла, когда Ева вырывалась из хватки северян. Она рычала, как Герман, кричала, как Артур, и кусалась, как волчонок, но ничего не помогало. Они были сильнее, больше и безжалостнее. Все заканчивалось тишиной, когда ее выразительные голубые глаза, наполненные солеными слезами, с ненавистью смотрели на обидчиков.

Схватившись за дверь, Денис уже хотел войти, но голоса прошлого снова его остановили. Он несколько месяцев пытался поговорить с ней, но ему не хватало храбрости.

«Давай!»

Он провел рукой по коротким волосам и шагнул вперед. Его тут же окутал запах медицинского спирта и лабораторных халатов. Их стирали со специальным средством, от которого Денису постоянно хотелось чихать. Он поморщился и сделал еще два шага.

Дверь позади него скрипнула и захлопнулась. Ева не обратила на звук никакого внимания. Так и лежала в кресле. Сначала Денис решил, что она рассматривала в окне огни Неутопии, но когда приблизился, увидел ее закрытые глаза. Он даже подумал, что она уснула и хотел было уйти, но вовремя собрался.

«Скажи сейчас или пожалеешь», — мысленно отругал он себя и приблизился к креслу еще немного. Теперь их разделяло всего два шага. Денис не знал, с чего начать. Он хотел столько сказать, объяснить, но не понимал, как это сделать.

Раздался омерзительный писк. Прибор сообщал, что пластиковый пакет собрал достаточное количество крови. Ева распахнула глаза и медленно повернулась. Теперь он заметил, что ее щека покраснела, а верхняя губа треснула. Как только Ева увидела Дениса, ее зрачки расширились, а руки дернулись. Больше времени на раздумья не было.

— Bonjour, — ляпнул Денис первое, что пришло ему в голову.

— Тебе нельзя говорить на французском! — процедила она сквозь зубы, направив на парня уничтожающий взгляд.

— Ладно, — Денис слабо улыбнулся, подкатил к себе крутящийся стул на тонкой ножке и сел рядом с креслом.

Он потянулся, чтобы вытащить иглу, но Ева дернулась. Игла тоже. Было больно. Денис понял это по тому, как на доли секунды скривилось лицо девочки, но она быстро вернула на место раздражение и гнев. Денис поднял растопыренные руки вверх, показывая, что не будет к ней прикасаться.

— Ты изменилась.

Прошло всего несколько месяцев, но Ева больше не казалась ему наивной девчонкой из леса. Несмотря на то, что ей по-прежнему было десять долгих лет, в глазах читались все двадцать.

— А ты всегда был таким козлом, — она злобно выплюнула слова и на мгновение парню даже показалось, что в ее голубых глазах блеснул яркий красный огонек.

— Рыжий плохо на тебя повлиял, — Денис прекрасно помнил, что так его называл только Артур. Парень попытался усмехнуться, но вышел странный хриплый кашель. — Из-за него ты используешь плохие слова.

— А из-за тебя я сижу здесь!

«Пора», — Денис мысленно настроил себя, выдохнул и вслух произнес:

— А могла бы уже умереть. Я спас тебя.

— Чего? — все, что смогла вымолвить Ева. Ее глаза округлились, а зрачки расширились. — Ты рассказал им обо мне!

— Потому что Вадим хотел тебя убить. Если бы я этого не сделал, тебя бы уже не было в живых.

— Ты все рассказал им, чтобы попасть сюда, — выпалила Ева.

— Нет, — Денис яростно замотал головой, но не смог выдержать пронзительных больших голубых глаз, поэтому уставился на свои руки. — Нет, Ева, я хотел помочь тебе.

— Ты рассказал про комнату Тихона, — девочка повысила голос и дернулась. Игла накренилась, и из вены потекла густая багряная кровь. Денис снова потянулся, чтобы помочь, а она снова отпрянула. — Рассказал им про Германа, его лодку и сумку с блестящими штуками.

— Я испугался, — прошептал Денис. Как только слова сорвались с его губ, между ребрами прострелило. Боль оказалась такой резкой и внезапной, что парень даже схватился за грудь. Впервые за четыре месяца он признался в этом себе, и правда ему не понравилась.

— Вот именно, и я тут не при чем, — прошипела Ева. — А Герман ведь был твоим папой.

— Я не знал этого, — защищался Денис. Мысль об отце коробила его еще сильнее. В те минуты вскрылось столько правды, что Денису казалось, будто он до сих пор в ней захлебывается.

— Про моего папу ты тоже не знал, но все равно его убил.

— Ева... — Денис растянул ее имя на выдохе. Он не понимал, как у десятилетней девочки было столько аргументов против него. Он растерял все слова, которые собирал эти месяцы, и теперь сидел перед ней в надежде, что она простит его хотя бы за попытку раскаяться.

Запах средства для стирки стал сильнее и защекотал нос. Денис долго боролся с ним, но не в силах больше терпеть, громко чихнул. Убрав руки от лица, он открыл рот, чтобы попробовать еще раз убедить Еву, но она смотрела на него скривившись, будто он только что разнес по лаборатории смертельную болезнь. В ее взгляде не было и намека на теплоту или сожаление, и Денису в голову прокралась жуткая мысль: она бы так же безжалостно смотрела на него, если бы он умирал?

— Уходи, — неестественно твердым голосом приказала Ева и отклонилась на спинке стула, будто ее не сковывали ремни. Будто в ее кожу не впиалась предательская игла. И будто она не находилась в заложниках. — Ты не заслужил быть здесь.

От ее холодного тона и безжизненно бледных глаз по спине у Дениса пробежали мурашки. Ему показалось, будто все боги разом вселились в Еву и приговорили его к вечному одиночеству. Столько злобы, ненависти и обиды бурлили в этой девочке, и все эти мощные чувства были направлены на него.

— Ну как ты, святоша? — голос Софи прогремел в лаборатории, как раскат грома, и мигом вывел Дениса из ступора.

Охотник тряхнул головой, оттолкнулся от пола и отъехал на стуле на пару метров от Евы. Чуть не врезавшись в северянку, он поднялся на ноги и помчался к выходу, стараясь не смотреть никому в глаза.

— У нее игла выскочила, надо кровь остановить, — бросил парень через плечо и под шквал ругательств убрался из лаборатории.

— Что с тобой случилось? — услышал Денис тихий голос Софи, пока не успел отойти на достаточное расстояние.

— Тебе-то какое дело, — рявкнула в ответ Ева.

— Раньше ты не вытворяла таких глупостей.

На этом Денис завернул за угол и голоса стихли. Выскочив на лестничную площадку, он помчался вниз, не задер-

живаясь ни на одном из этажей. Когда последняя ступенька осталась позади, парень очутился в просторном холле. Первый этаж всегда кишел ищейками. Одни постоянно околачивались у входа, другие патрулировали здание, третьи сдавали посты, а четвертые выдвигались на уличные тренировки. В первые недели Денис избегал холл, задыхаясь от такого скопления людей. Сейчас же просто старался как можно скорее покинуть это место.

Пройдя через центр зала, Денис свернул за угол и вышел в узкий коридор, где виднелось всего две двери. Одна вела в подвал с пленными, вторая – в гараж. Туда парень и направился. Миновав автопарк штаба, он резко распахнул дверь и вышел на улицу.

Холодный воздух тут же ворвался в легкие с первым глубоким вдохом, а ветер забрался под куртку. После жары на материке такая погода казалась Денису невыносимой. Он постоянно мерз, потирал ладони, чтобы согреть окоченевшие пальцы, и пытался спрятать шею за слишком низким воротником, но сейчас парень даже не замечал, как тряслось его тело на холоде.

Погруженный в свои мысли, он перешел дорогу и подошел к набережной. На фоне забытых городов и глухих лесов улицы Неутопии выглядели слишком многолюдными. Приходилось постоянно оборачиваться, проверяя, не несет ли издали автомобиль. Люди бесцельно бродили вдоль берега, называя свои вечерние выходы на улицу прогулками, а

зачастую даже брали с собой собак. Мелкие и крупные породы нагоняли на Дениса тоску, напоминая о шуточном разговоре в маленьком домике с фиолетовой машиной. Именно после той остановки его жизнь начала рушиться.

Все месяцы, проведенные на Севере, сопровождались беспросветной темнотой. Солнце пробивалось только на несколько часов в середине дня, но быстро пряталось, погружая город во мрак северной ночи. И лишь свет от маяка на противоположном берегу бухты изредка озарял пляж.

Облокотившись о парапет, Денис вытащил фотографию из нагрудного кармана, откуда на него смотрела самая прекрасная девушка на свете. Что бы она сказала ему сейчас? Злилась? Ругалась? Все равно. Пусть хоть избила бы его до потери сознания, колотила каждый день до синяков, лишь бы была рядом. Но ее не было. И все из-за глупого рыжего грубияна, что потащился с ними в поход.

— Хватит уже пялится на нее.

Услышав голос Вадима, Денис сложил фотографию в карман, отвернулся от моря и уперся спиной о каменные ограждения. Как только он поднял голову, тут же встретился взглядом с ищейкой. Тот по привычке стоял с ровной спиной и пустыми глазами, а бледное лицо словно давно уже впитало в себя все разновидности морозного ветра.

— Ее больше нет. А ты здесь. И тут полно красивых женщин, готовых стать твоими, — Вадим говорил о предполагаемых пассиях спокойно и безэмоционально. По его лицу

невозможно было понять истинных чувств, из-за чего разговоры с ищейкой всегда выглядели неестественными, впрочем, как и его чересчур прямая осанка.

— Я думал, ищейки ненавидят женщин, — Денис скрестил руки на груди.

— Это не значит, что мы не можем ими пользоваться, — безразлично пожал плечами Вадим, будто говорил о снаряжении. — Единственное, что дает женщина — удовольствие. В остальном она только отвлекает, мешает и доставляет неудобства.

— Значит, Софи для тебя — просто вещь? — при одной мысли об этом Денис съезжился. Ему не особо нравилась шумная, громкая и порой неприличная девушка, но она не заслуживала такого отношения к себе.

— Не просто вещь. Она — *моя* вещь. Владеть людьми довольно приятно, тебе тоже нужно попробовать.

За все месяцы разговор на набережной — одна из нескольких бесед, которые все-таки состоялись между братьями. Первый раз они поговорили, как только прибыли на Север. Но разговор вышел холодный, неловкий и отстраненный. Денис все еще не отошел от потрясений и не понимал, что случилось с его отцом, а спрашивать не решался. Вадим и вовсе не горел желанием сближаться с новым родственником.

Поначалу они перебрасывались общими фразами, затем Денис стал больше внимания уделять истории Севера и боевым искусствам, и в итоге Вадим назначил его одним из ище-

ек и стал понемногу делиться знаниями. Получалось, что пересекались братья по делу, но с каждой встречей разговоры становились продолжительнее и глубже.

Ветер усилился, но Денис четко осознал, что трясет его не от северной погоды. Он отчаянно хотел лучше узнать брата и найти что-то общее. Все-таки, Вадим – единственный родственник, оставшийся у него во всем мире. Но чем больше Денис узнавал брата, тем дальше ему хотелось от него быть.

— Как дела с лекарством? — Денис невзначай задал вопрос, который интересовал, наверное, весь мир.

— Все так же, — Вадим перевел взгляд на море и стиснул челюсти. — Бесплезная девка. Лаборанты ничего не могут из нее вытянуть.

— Они ее били, — Денис вспомнил красную щеку Евы и сжался.

— Нет, это я. Она пыталась сбежать.

— Она тебе живой нужна. Не лучший способ получить формулу, — бросил Денис, хотя и понимал, как это опасно. Вадим не любил, когда ему перечили, и уж тем более когда пытались учить.

— Сломанные ребра не помешают нашим исследованиям, а у тебя не так много времени осталось.

От упоминания собственной смерти замутило. Ему захотелось перекинуться через парапет, лишь бы не продолжать разговор о скоротечности жизни.

— Почему ты уверен, что обычный ANSEN мне не помо-

жет?

— Проверял, — Вадим сложил руки за спину и выпятил грудь вперед. — Ученые назвали это «избыточный износ клеточного ресурса». После PLESAL клетки становятся слабыми и не воспринимают ANSEN. Мы можем его использовать, но это пустая трата вакцины, количество которой итак ограничено. Она просто не сработает. Или даже рак вызовет раньше времени.

— Что значит «раньше времени»? — Денис резко оторвался от парапета и развернулся на девяносто градусов, уставившись на брата.

— С вероятностью 80% ты умрешь от рака. Побочка PLESAL – накопленные мутации. Вот такой подарок сделал тебе наш отец. И сам от этого подохнет, и тебя этим наградил.

Денис резко выдохнул. Затем еще раз, и еще. Через пару секунд странное дыхание стало напоминать смешки, и спустя минуту он громко смеялся, наполняя улицу истеричным смехом. Вадим уставился на него взглядом, полным непонимания.

— Мало того, что мне осталось лет восемь, так я еще и проведу их больным! — Денис не переставал смеяться собственному бессилию и отчаянию. — Ваш Бруно — просто садист. Зачем он сотворил такое?

— Без него ты бы умер еще у реки, а так у тебя есть немного времени. Будь я на твоём месте, не раздумывая бы принял

его. Внезапная смерть меня не устраивает. Слишком много незавершенных дел, — он бросил еще один пустой взгляд на Дениса. — Ты на Севере, носишь форму ищейки и являешься моим братом. Сколько бы ты ни прожил, у тебя впереди роскошная жизнь, полная привилегий. Просто наслаждайся, охотник.

Вадим коротко кивнул и быстро скрылся в темноте улиц. Денис проводил его взглядом и задумался. Несмотря на неплохие перспективы, на душе все равно было тоскливо. И гадко. Никогда еще в жизни он не чувствовал себя таким одиноким и несчастным.

3. Подожди, время лечит

— Помогите! — истошный женский вопль разлетелся по деревне. — Кто-нибудь! А-а-а!

— Да что же ты будешь делать! — выругался высокий, подкаченный парень, отшвырнул в сторону полупустые ведра, которые так и не успел наполнить водой, и рванул со всех ног на зов.

Он находился у реки на окраине поселения, и где бы ни кричала девушка, бежать до нее долго, а время стремительно ускользало. Возгласы и мольба о помощи повторились. Парень хотел ускориться, но не мог. И так бежал на пределе своих возможностей. Он забрался в самый удаленный уголок деревни, чтобы хотя бы одно утро провести вдали от нескончаемого гула и любопытных глаз, но даже здесь он не нашел покоя.

Как только его ноги коснулись деревянного настила, он заметил девушку, свисающую с крыши дома. Уцепившись за край, она беспомощно размахивала ногами в четырех метрах от земли. Внизу уже собрались зеваки: три девушки вздрагивали каждый раз, когда казалось, что их подруга вот-вот соскользнет.

Выругавшись, парень в считанные секунды преодолел оставшееся расстояние и нырнул в дом. Он взлетел по сту-

пенькам на мансардный этаж, забежал в комнату и выглянул в окно. Ноги девушки висели на уровне его глаз, но нужно было постараться, чтобы дотянуться до них.

— И как ты только туда попала? — пробормотал парень, размышляя, как спасти непутевую.

Завидев рыжую кудрявую макушку, девушка облегченно выдохнула.

— Ты пришел! — радостно взвизгнула она, но в эту же секунду одна ее рука соскользнула.

Девушка вскрикнула. Недолго думая, парень вылез в окно и уселся на подоконник, как на коня. Одной рукой обхватил ноги непутевой под коленями, другой вцепился в подоконник и молился, чтобы тот не треснул.

— Держу тебя!

— Мне так страшно, — пискнула она, все еще беспомощно болтая ногами.

— Хватайся второй рукой за крышу и ползи ко мне.

— Я не смогу!

— Агнес, ты упадешь, если не полезешь.

— Ты точно держишь меня?

— Точно, — в доказательство парень крепче сжал колени девушки и слегка приподнял, чтобы с опорой ей было легче ухватиться. — Ползи.

Агнес закричала, но подчинилась. Вцепилась в крышу обеими руками и стала перебирать ими, приближаясь к оконной раме. Теперь девушка висела точно по центру. Как

только она доползла, парень встал ногами на подоконник, схватился за раму и одной рукой скользнул вдоль ее тела выше колен.

— Медленно сползай, — снова распорядился парень.

— Я боюсь.

— Агнес!

— Хорошо-хорошо.

Девушка вытянулась подобно змее и сползла так, что теперь рука парня лежала у нее на талии. А когда она, наконец, отпустила крышу, то резко подалась вперед, крепко прижавшись к своему спасителю. Агнес не отличалась стройностью, да и пушинкой ее бы никто не назвал. Высокая, крепкая, круглолицая девушка с пышной русой косой наперевес, и парень умудрился удерживать ее одной рукой! Такому позавидовал бы любой мужчина. Настоящий силач.

— Господи, как страшно, — девушка обвила руками шею спасителя, прислонившись грудью к его щеке. — Артур, ты — мой герой!

— Лезь в окно, или мы сейчас оба грохнемся, — недовольно пробубнил он, отодвигая лицо от девушки.

Агнес неторопливо опустилась еще ниже и только носком ботинка коснулась подоконника, как ее тут же потянуло назад. Артур снова подхватил ее.

— Что бы я без тебя делала, — сладко улыбнулась девушка и, наконец, прыгнула на пол комнаты.

— Померла бы, — пробубнил Артур и приземлился ря-

дом.

С улицы слышались облегченные вздохи и щебетание тех самых подруг. Они уже бурно обсуждали спасение, свидетелями которого стали. Не успел Артур отряхнуться или перевести дух, как Агнес снова бросилась ему на шею и прижалась к парню всем телом.

— Ты мой спаситель, Артурчик!

Парень нехотя похлопал ее по спине, а затем схватил за плечи и грубо отодвинул от себя.

— Как ты там оказалась?

— Поправляла солнечные батареи, — Агнес захлопала голубыми глазами и заправила за ухо выбившуюся из косы прядь. — В доме приборы стали шалить, лампочки то и дело моргали. А ты знаешь, я девушка одинокая, нет у меня ни отца, ни брата. Пришлось самой на крышу лезть.

— Тихон говорил, там поправлять нечего, — почесал макушку Артур. — Ты у него спроси лучше, что у тебя с лампочками. А то в неприятности уже четвертый раз за последние две недели попадаешь, — похлопав непутевую по плечу, силач резко развернулся и поспешил покинуть дом так же стремительно, как и попал в него.

— Ну чего ты так быстро уходишь? Я же тебя даже не поблагодарила!

Девушка поспешила следом, спотыкаясь на каждой ступеньке о длинный сарафан. Она была одной из немногих в поселении, кто решил отдать предпочтение юбкам вместо

удобных брюк. Как только Агнес выскочила на улицу, ее тут же атаковали подружки, сомкнув вокруг девушки кольцо.

— Агнес, ты как?

— Мы так перепугались!

— Зачем ты полезла на крышу?

— Я не лезла туда, а падала оттуда. Ой, неважно, все хорошо. Артур! — девушка отмахнулась от подруг и бросилась следом за парнем, который уже отошел от дома метров на десять. — Артур, ну стой же!

— Мне ничего не надо, — бросил он через плечо, мечтая как можно быстрее оказаться на центральной площади.

— Но ты же мне жизнь спас! — не сдавалась Агнес, упорно следуя за рыжеволосым силачом.

— Обычное дело.

— А вот и нет. Никто не пришел ко мне на помощь. Только ты.

— Потому что остальные в огороде, — Артур перечислял очевидные вещи, отсчитывая расстояние. Еще три дома.

— Ох... — девушка перегородила собой дорогу не в силах больше спорить. — Я просто хочу провести с тобой вечер. В качестве благодарности за все три раза, что ты меня спас.

— Вообще-то четыре.

— Да хоть пять! — заканючила девушка, схватившись за мускулистые руки. — Пожалуйста!

Застигнутый врасплох, Артур в упор посмотрел на непутевую, невольно обдумывая ее предложение. Ни для кого

не секрет, что Агнес была самой красивой девушкой в деревне долгожителей. Выразительные светло-голубые глаза, круглые румяные щеки, прямой вытянутый нос и пухлые розоватые губы привлекали многих деревенских, но ни на кого девушка не смотрела так, как на рыжеволосого силача. Вот только сердце Артура не отзывалось ни на ее сладкие речи, ни на пышные формы, ни даже на внимание и заботу, которой девушка пыталась одарить новенького. В очередной раз убедившись, что сердце его зачерствело, Артур скинул цепкие руки и сдвинул девушку с дороги.

— Я занят. Позови бородатого, который на южной башне работает. Он тебе не откажет.

Парень успел заметить разочарование в голубых глазах и дрожание губ прежде, чем отвернулся и зашагал прочь.

Деревянные змейки вились по всему поселению между домами, огородами и загонами, соединяясь на площади — самой высокой точке небольшого островка, где затаилась деревня долгожителей. Вдоль каждой дорожки вывели дренажные системы, по которым лишняя влага уходила в реку, а та огибала поселение в кольцо, снабжая жителей пресной водой. На центральном холме построили смотровую башню, дом целительницы и правления. Именно туда и шел Артур, размышляя о круглолицей блондинке.

Несмотря на статус и важность дома правления, именно это здание стало для силача пристанищем в последние четыре месяца. Поднявшись на крыльцо, Артур зашел внутрь и

быстро пересек первую комнату, или как ее многие называли – зал. Обычно она пустовала, но раз в неделю здесь проводились собрания, которые силач всячески старался избегать. Следом шла просторная кухня, а дальше – несколько жилых комнат на первом и втором этаже.

Умыв руки и лицо в небольшой раковине возле плиты, Артур провел влажной ладонью по кудрявым волосам и сел на скрипучий деревянный стул в кухне. Пробежка и незапланированная операция по спасению разгорячили парня. Пусть на севере материка жара не так сильно кусала, да и за окном уже наступил декабрь, но температура днем могла достигать пятнадцати градусов. После такого забега Артур с радостью бы вернулся к реке и окунулся в нее с головой.

— Есть новости? — спросил он, смахивая с лица последние капли воды, но в ответ получил тишину. Поскольку терпением Артур не отличался, то схватил со стола тяжелую металлическую коробку и потряс ее перед лицом. — Эта штука пищала или нет?

— Не штука, а неутрансдьюсер, — возмутился пухлый мужчина в широкополой шляпе. Светлые волнистые волосы доходили ему до кончиков ушей, открывая круглые щеки и широкую шею. Он перегнулся через стол и выхватил прибор. — Ты бы, парниша, поменьше его тряс, иначе вообще никаких сообщений с Севера получать не будем.

Мужчина сдвинул со стола несколько приборов и бережно вернул коробку на стол, погладив металлический корпус,

словно ребенка. Среди груды вещей лежали рации, сенектумер и еще несколько неуприборов, названий которых Артур не знал. Его внимание привлек ошейник с круглой шайбой посередине.

— А это что? — силач схватил прибор и повертел в руках. Он поднес его ближе к лицу, рассматривая устройство и задал новый вопрос, но вместо привычной речи услышал совершенно незнакомый язык. От удивления прибор выпал из его рук.

— Неугласник, — мужчина в шляпе поймал устройство на лету и сунул в карман. — Переводит речь в реальном времени. Сейчас ты говорил на немецком. Хватит трогать все подряд.

— Ничего себе! — восхитился Артур, но даже такая чудная вещь, как неугласник, не отвлекли его от главного. — Так что там на Севере?

— У Евы был приступ.

— Что это значит?

— Она сдается.

— Вот, Тихон, теперь видишь?! — Артур тут же подскочил со стула, забыв обо всех приборах на столе, и взмахнул руками. — Или это тоже не то, и нам нужен какой-то другой знак?

— Не переживай так, дорогой, — из кухни вышла невысокая, хрупкая женщина средних лет и бережно, но настойчиво надавила Артуру на плечо. Не то, чтобы она обладала

мощью, способной усадить силача против воли, но парень ее уважал, а потому повиновался. — Лучше съешь лепешку, только из печи принесли.

— Татьяна, ну ты хоть скажи ему! Они уже узнали, как делать обычное лекарство, и хватит с них. Сколько можно тут сидеть?! — не сдавался Артур, но лепешку все же принял. Она и правда оказалась горячей, поэтому силачу пришлось несколько раз подкинуть ее, остужая пальцы.

— Поверь, дорогой, мой муж скажет, когда придет время. Женщина обогнула стол, обвила руками шею Тихона и оставила на его щеке легкий поцелуй. Поначалу Артур жутко смущался проявлению чувств и готов был выпрыгнуть в окно, лишь бы не присутствовать при очередном обмене любезностями. Но за несколько месяцев, проведенных с этой парой, он привык, и чужая любовь не казалось чем-то диким и пугающим.

Рядом с крупным и широким Тихоном Татьяна выглядела невесомой и крохотной. Темные волосы длиной до лопаток она заплетала в низкий хвост, а в легких брюках и объемных футболках казалась еще меньше, чем была на самом деле. На ее лице всегда играла мягкая, добрая улыбка, которая располагала окружающих.

— Все верно, еще рано, — Тихон улыбнулся жене и тоже потянулся за лепешкой. — За Евой присматривают.

— Да-да, твой шпион, я помню, — гаркнул Артур. — Плохо присматривает, раз мелкая с катушек слетела.

— Мой человек под самым носом у врага, правая рука генерала, понимаешь? Мы не можем рисковать.

— Что за вопли? — раздалось у входа, и три головы повернулись к двери.

В комнату вошел недовольный седовласый старик, одетый во все черное, словно в форму отряда, противоборствующему ищейкам. Хотя чему удивляться, Артур выглядел так же: плотные штаны, обтягивающая футболка и дулая жилетка, защищающая от ветров. И все черного цвета.

— Там Ева чудит, — первым ответил силач с набитым ртом. — Но Тихон все равно говорит, что надо ждать.

— Знаю, я не про это. Что за визги на всю деревню? — окинув присутствующих оценивающим взглядом пары зеленых глаз, старик уселся рядом с Артуром, переводя дыхание после подъема в гору.

— А-а-а, догадайся, — пробубнил силач, пожалев, что доел. Ему хотелось спрятаться хотя бы за лепешкой. Разговоры об этой девушке его раздражали.

— Агнес! — в один голос ответили трое: угрюмый старик, толстяк в широкополой шляпе и его жена.

— Ладно вам, — на защиту непутевой встала Татьяна. — Девушка просто пытается обратить на себя внимание Артура, вот и все.

— Да ну, — возмутился силач, не веря словам женщины. — Ей просто не везет.

— Она уже дважды с лошади падала, — начал Тихон.

— Камнем ее придавливало, — подхватила его жена.

— Резалась, кололась, обжигалась. И каждый раз звала на помощь тебя, парнишка, — усмехнулся Тихон. — Уж приголубил бы девчущку.

Дружный смех сотряс деревянный дом, чем за доли секунды вывел из равновесия силача.

— Да пошли вы, — выругался Артур, опрокинул стул и тут же вышел на задний двор.

Он сел на верхнюю ступеньку террасы и, облокотившись о перила, стал разглядывать людей. Артур все никак не мог привыкнуть к этому месту. Когда Тихон впервые рассказал о деревне долгожителей, парень представлял засекреченное поселение в лесной чаще, обнесенное высоким забором, со стражниками и, возможно, даже мутировавшими животными на цепи. Но все оказалось совершенно по-другому.

Поселение пряталось на материке среди гектаров болот, недалеко от переправы на Север. Кустарники, леса и торфяники полностью скрывали местоположение деревни так, что добраться до нее мог лишь знающий человек. Четыре месяца назад услышав об этом, Артур пришел в ужас. И его неумение плавать было тут не при чем. Болото мигом утащит любого, кто ступит мимо тропы, но у путников не оставалось других вариантов. Они были ранены, истощены и разгромлены.

Под чутким руководством Тихона они долго шли тропами, известными лишь толстяку. Он ориентировался по от-

метинам на деревьях, которых Артур так и не смог разглядеть. Хотя, учитывая на тот момент состояние силача, хорошо, что он вообще добрался до поселения на своих двоих.

Дорога была утомительной. Ступая по мягкой почве, Артур сомневался в каждом шаге. А когда перед ними растянулась широкая река, он и вовсе растерялся. Из-за особенностей местности над топами кустился густой туман, полностью скрывая противоположный берег. Тихон и тут удивил. Вытащил из воды веревку и потянул на себя. Через несколько минут перед путниками появилась маленькая деревянная лодка. На ней они и прибыли.

Мысль об изоляции пугала Артура, а вот остальные жители ощущали себя здесь свободными. Им не приходилось скрывать возраст, прятать раны или врать о себе и своих семьях. Они наслаждались каждым днем и светились от счастья, когда Артур не мог похвастаться тем же. Практически все в деревне родились долгожителями или использовали ANSEN, но силач был исключением. За время, проведенное в поселении, ему прибавился год, хотя фактически прошло всего несколько месяцев. Теперь ему оставалось только сидеть в стороне, перебирать воспоминания, как гнилые яблоки, и стремительно стареть.

— Агнес и правда славная девушка, — раздался женский голос за спиной силача.

— Ой, Татьяна, и ты туда же, — пробормотал Артур. — Не меня она охмуряет! Непутевая просто.

Парень глянул через плечо, но когда увидел изогнутые брови женщины и удивленный взгляд, перед глазами тут же замелькали все случаи спасения Агнес.

— Да, дорогой, — Татьяна села рядом с парнем на верхней ступеньке террасы и неодобрительно покачала головой. — Мужчины всегда были тугодумами, но ты превзошел их всех.

— Плевать, — оскорбился Артур и отвернулся, будто женщина нападала на него. — Все равно мне никто не нужен.

— Все еще думаешь о той девушке?

— Не твое дело, — пробурчал силач, не сводя взгляда с земли, но Татьяна не сдавалась. Пусть она продолжала хранить молчание, но ее тихое присутствие давило на парня, и он, все же, ответил. — Ладно, как ты узнала?

— Вы слишком давно в деревне. Я знаю о вас уже все. О чем ты переживаешь?

Артур молчал. Татьяна умело залезала к нему в душу и с легкостью вытаскивала оттуда все то, что парень так старательно прятал от окружающих. От зоркого взгляда этой женщины не могла скрыться ни одна сердечная рана.

— Тихону с Германом ничего не расскажу, — мягко продолжала Татьяна, не сводя глаз с силача. — Ты печалишься, что ее больше нет с нами, или винишь себя в ее смерти?

Парень хотел нагрубить. Он всегда делал до того, как попал в деревню, но в последнюю секунду передумал. Татьяна многому его научила и не заслуживала хамства. Узнав, что он не владеет ни письмом, ни чтением, она втайне ото всех

предложила свою помощь, за что силач сразу же ее послал. На удивление, она не обиделась, а стала ждать.

Каждый житель обладал каким-то талантом. Одни конструировали диковинные приспособления, благодаря которым деревня развивалась и расширялась. Другие раз в неделю с легкостью перебирались через топи, чтобы в городе привратников получить тайные посылки с Севера. А третьи и вовсе изготавливали лекарства, которые поражали Артура не меньше ANSEN. Что уж было говорить о таких простых навыках, как письмо. Рыжий грубиян ничего не мог предложить этим людям. Разве что мускулы.

Спустя две недели наблюдений и борьбы с собственным упрямством, он все же обратился к Татьяне, и они приступили к занятиям в тот же день. Не прошло и нескольких месяцев, как Артур выучил алфавит, освоил базовые навыки письма и, пусть даже медленно, но все же научился читать послания от разведчиков. Но больше всего он был благодарен женщине за то, что все это время им удавалось хранить занятия в тайне.

— Так что, дорогой? — ласково позвала Татьяна. — Скорбь или вина?

— И то, и другое, — тяжело вздохнул Артур, вырвал клочок земли и швырнул его в соседний дом.

— Хорошо, — женщина одобрительно кивнула, словно добилась желаемого, и продолжила. — Почему она? Почему из всех девушек, которых ты встречал, именно она посели-

лась в твоём сердце?

— Раньше ты таких вопросов не задавала, — недовольно пробурчал силач. Как же ему не нравился этот разговор, но от Татьяны он не мог скрыть своих чувств. Тяжело вздохнув, он нехотя ответил: — Она была особенной. Ну такой... не знаю, как сказать. Я таких больше не встречал. Мне все время хотелось ее защитить.

— А ей требовалась защита? Просила ли она о ней?

— Во время порогов...

— Нет, — внезапно, но мягко перебила Татьяна и положила ладонь ему на плечо. — Тогда ты поступил храбро, но на ее месте мог оказаться любой из вашей группы. Я говорю про весь остальной путь. Особенно в моменты, когда все было спокойно.

Артур нахмурился. Он уже пожалел, что не отправил во свояси Татьяну сразу, как она пришла.

— У нее был другой, — неохотно признал силач.

— А ей все было мало, — услышался голос старика, отчего Артур мгновенно разозлился.

— Чего ты приперся?

— Ох, мальчишки, не ругайтесь хотя бы сегодня, — Татьяна потрепала силача по рыжим кудряшкам.

Он дернулся, чтобы скинуть ее руку, но вовремя опомнился. В итоге движение выглядело так, будто его передернуло от табуна мурашек, который промчался вдоль позвоночника. Артур знал, что Татьяна желала ему только добра.

Казалось, что чувства, которые она к нему проявляла, походили на материнскую любовь. Вот только ему не с чем было сравнивать.

— Ладно, оставлю вас, — женщина быстро поднялась и скрылась в темноте дома.

Не успел Артур оправиться от беседы, как рядом с ним со звоном упал длинный нож с широким лезвием.

— Слава богам, я уже думал потерял его, — обрадовался силач, поднимая мачете с пола.

В двадцать третьем веке не так просто было раздобыть оружие, а на маленьком островке посреди болот так тем более. Артур все время брал с собой нож и каждую свободную минуту оттачивал навыки. Он больше не хотел подвергнуть опасности ни себя, ни своих близких, а голыми руками защищаться проблематично.

— Ты как будто специально бросаешь его по всем кустам!

— А ты попробуй потаскай такую махину с собой! Ни в один карман не поместится.

— Так не таскай.

— Сам разберусь, — силач отложил мачете в сторону и уперся кулаком в щеку, дожидаясь, когда Герман уйдет. Но старик не уходил. Более того, он занял место предыдущей собеседницы, предвещая новый неприятный разговор. Двое грубиянов сидели на деревянной террасе, залитой декабрьским солнцем в полной тишине. Наконец, старик нарушил молчание.

— Татьяна права. Ты не виноват.

— Да тебе...

— Она бы итак это сделала, понятно? — резко ответил старик. — И не важно, был у нее под рукой твой шнурок или нет. Это решение слабого, неприспособленного к жизни человека.

— Она не такая.

— Как раз-таки наоборот! Ты только что сказал, что не встречал больше таких. И знаешь, почему? — Герман широко махнул рукой и указал на людей сбоку на площади. — Эти девушки готовы бороться за свою жизнь. Даже Агнес, которая каждый день в передрыгу попадает, при необходимости голыми руками оторвет голову ищейкам.

Артур скривился от этой мысли. Физически сильная женщина для него была дикостью.

— Вспомни хотя бы Еву, — старик сжал переносицу и закрыл глаза.

Силач удивился этому жесту, но мысли его уже переместились на пляж к той самой жуткой бойне. Большая часть ищеек помчались за главарем к морю. За Евой. Остальных пришлось убить. При воспоминаниях Артур поежился. Он никогда до этого не убивал людей. Даже таких мерзких, как ищейки. Одно дело белки, а тут совсем другое.

Его ранили. Seriously ранили. Он думал, что не выживет. И им пришлось оставить ее одну. Он видел, как Вадим схватил ее за волосы и полоскал, словно белье в морской воде.

Артур хотел броситься, помочь, спасти, но разрез на торсе отнимал силы. Рассудок помутнел. Парень с трудом держался на ногах. Остальные выглядели не лучше. Им пришлось уйти, но Артур не мог простить себя за это. Как и за кулон.

— Об этом я и говорю, — устало произнес Герман и потянулся, разминая шею, как после долгой поездки за рулем. — Даже она боролась до последнего, а Кира всегда была нытиком. Помнишь, когда Денис поранился у водопада?

— Пфф... поранился! Это ты еще мягко сказал. Его же всего переломало.

— Так вот если бы с ним тогда была только Кира, этот неблагодарный щенок сразу бы сдох, — Герман несколько раз глубоко вдохнул и протяжно выдохнул. Артур заметил, но ничего не сказал. — Не было ни дня, чтобы она не плакала Денису на свою ужасную жизнь. Постоянно твердила, какое у нее сложное детство, как ей тяжело ходить далеко в лес.

— Так может и правда детство не задалось, — Артур всеми силами пытался защитить память нежной, хрупкой Киры.

— А у тебя жизнь лучше была?

Артур промолчал.

— Гхм, — Герман прочистил горло и продолжил. — Ты через многое прошел, но не сломался. И, как ни странно, у меня есть два сына, но свою жизнь я доверил бы только тебе.

Рыжеволосый силач округлил глаза и уставился на собеседника, не в состоянии вымолвить ни слова. Излишняя от-

кровенность старика его не столько удивляла, сколько насто-
раживала. С чего это вдруг самый молчаливый из его знако-
мых решил излить душу?

— Я хотел сказать, — Герман снова прокашлялся и по-
стучал кулаком по груди. — Гхм, я не просто так шел на Се-
вер. Я...

Старик не успел закончить фразу. Внезапный приступ
кашля охватил его. Артур отвернулся, чтобы не мешать. Он
ждал, пока Герман перестанет пытаться выплюнуть легкие,
но его и без того малое терпение быстро заканчивалось.

— Да что, черт возьми, с тобой такое? — Артур повер-
нулся к старику и только сейчас понял, что дело не в обыч-
ном кашле. — Герман?

Старик вцепился в собственную футболку, будто так мог
расширить легкие и наполнить их кислородом. Его и без то-
го бледное, болезненное лицо посинело. Не переставая каш-
лять, он рухнул на деревянный пол террасы.

— Черт, — Артур кинулся к Герману, и в ту же секунду
заметил на его лице и руках следы крови. — Татьяна! Тихон!
На помощь!

4. Подожди сияния Севера

ЕВА

Море заберет твою боль. Так сказала мама. Точнее видение, в котором она явилась. Ева вспоминала о словах призрачной девушки каждый раз, когда смотрела в окно с пятого этажа, откуда открывался умопомрачительный вид на бухту. Волны рьяно набрасывались на берег, словно хотели смыть пляж, отобрать у человечества землю и возвести море на пьедестал власти. Ева ждала, что вода с таким же рвением заберет и ее боль, ведь так ей обещали. Но ничего не происходило. Море оставалось далеко. Как и мама, и остальные, кто бросил девочку одну на холодном, ветреном острове.

Ева сильнее обхватила себя руками, растирая хрупкие плечи. Из плотно закрытых окон так сквозило, что даже вязаное платье не согревало продрогшее тело. Девочка не знала, сколько часов просидела на широком подоконнике, но в ногах уже чувствовались покалывания. И окоченевшие конечности были не единственным, что беспокоило Еву. Щека горела от пощечины, ребра ныли от ударов тяжелых ботинок, руки болели от игл, а голова нещадно пульсировала.

Внезапно перед глазами все закружилось, а лицо словно окатило ледяной волной. Ева зажмурилась. Ощущения на-

помнили ей хижину, и на мгновение она представила, что последние месяцы ей приснились. Сейчас она откроет глаза и проснется. Окажется, что немогота была лишь следствием голода, а из-за поля с дикой лавандой выглянет мама и позовет разделявать фазана. Но чуда не случилось. Ева распахнула глаза, и образы тут же развеялись.

Пар изо рта растекался по стеклу, от чего огни вдалеке замылились. Ева провела пальцем, оставляя последний след. Закончив с узором на окне, она спрыгнула с подоконника и отошла на пару шагов, чтобы посмотреть, что получилось.

«У старой башни»

Надпись расположилась как раз в том месте, куда бил луч от маяка. Символично. Именно за этим маяком лежал путь к материку. К старой башне. К свободе. Не выдержав, Ева подбежала к стеклу, дернула на себя ручку и распахнула окно. Северный ветер мгновенно забрался под платье и пробил до дрожи. Девочка перегнулась через подоконник и громко закричала.

Двое женщин на набережной подпрыгнули, ребенок, сидевший у одной из них на руках, зарыдал, а мужчина у подножия здания вздрогнул и запрокинул голову.

— Что смотришь?! — выкрикнула Ева, размахивая руками.

Мужчина смутился. Прохожие тоже стали на него поглядывать. Должно же быть в этом человеке нечто особенное, раз к нему обратились с пятого этажа Темной башни. От

неожиданного внимания к своей персоне прохожий натянул на уши шапку и ускорил шаг, чтобы скрыться от всех.

— Иди быстрее, пока не догнали! — кричала Ева ему вслед. — И ты тоже беги! — крикнула она женщине, которая тут же последовала ее совету. — Бегите! Все вы, бегите!

Ева перебирала незнакомцев и выкрикивала всевозможные ругательства, которых за последние месяцы слышала больше, чем за всю свою жизнь. В порыве злости она так сильно наклонилась, что наполовину свесилась с окна, но кричать не перестала. Выплескивала эмоции, которые больше не в силах была удерживать.

Слишком долго она оставалась спокойной. Ждала, что кто-то придет к ней на помощь, вытащит из клетки и заберет с собой в безопасное место. Но у Евы не было защитника, крепостной стены или опоры. И больше она не могла молчать. Грудная клетка разрывалась от холода и крика. Если бы не этот душераздирающий вопль, что вырвался из нее, то, наверное, ее бы просто разорвало изнутри.

Как только последние ругательства слетели с губ, Ева глубоко задышала, возвращая кислород в легкие. Она опустила взгляд ко входу и заметила движение. Ее выступление не прошло незамеченным. Ищейки уже вытащили из-за пазухи черные коробки, по которым передавали друг другу команды. Они называли их рациями. В ту же секунду за дверь послышалось шуршание, а следом дверь распахнулась, и на пороге явился Игнат.

— А ну слезай оттуда, — гаркнул ищейка, широким шагом пересек комнату и вцепился за шиворот Евы.

— Пусти! — заверещала она, но сопротивляться такому здоровяку было бесполезно.

— Вот дурная, — даже не замечая попыток Евы выпутаться из крепкой хватки, Игнат стащил ее с подоконника и отошел на пару шагов. — На кой черт ты туда полезла?!

— Тебе какое дело!

— Я за тебя башкой своей отвечаю, — Игнат перехватил Еву за шею и потряс на вытянутой руке, как белку.

— Что случилось?

В дверях появился парень, от которого Еву передернуло. Его короткие волосы, щетина, обманчиво заботливый взгляд и болотный костюм возродили былую ярость в сердце. Она заверещала, что есть мочи, и замахала ногами и руками так пылко, что Игнату пришлось выпустить ее. Ева рухнула на пол и тут же развернулась к противнику лицом.

— Игнат, — еще раз позвал парень у входа.

— Иди куда шел, Денис, — на последнем слове Игнат сплюнул прямо на деревянный пол, отчего Ева скривилась. Это же всего в метре от ее кровати!

— Я услышал крики и...

— И что? — рявкнул Игнат, даже не посмотрев в сторону двери. — Это не твоя работа, не лезь.

— Ева, что стряслось? — Денис не сдавался. Он прошел в комнату и остановился с другой стороны кровати. — Я по-

могу тебе.

— Ничего ты не сделаешь! — выкрикнула Ева. — Ты один из них. Такой же, как этот. Бандит и убийца!

— Эй! — настал черед Игната возмущаться. Он склонился над девочкой, не сводя с нее своих крошечных карих глаз. — Мы солдаты Севера, единственного острова во всем мире, который живет нормальной жизнью. У нас есть электричество, машины, неограниченный запас еды и питьевой воды. И только наши ученые могут избавить человечество от мутаций, — с каждым словом Игнат приближался к Еве, а ей приходилось отклоняться и ползти к дальней стене. — Нас, ищек, обучали боевым искусствам, тактике, маскировке, основам выживания и медицинской подготовке в единственной в мире академии. Быть ищейкой — это огромная честь, которую заслужили единицы.

— И там вас учат избивать девочек? — Ева перестала пятиться и с напором придвинулась к Игнату, указывая на разбитую губу. — Тогда ты попал не в ту академию.

— Он тебя ударил? — Денис пересек комнату и встал между спорящими людьми, уперев ладонь в грудь Игната. Бугай тут же скривился и сбросил его руку, но от Евы все-таки отошел.

— Не трогал я ее! Она с окна собиралась спрыгнуть.

— А вот и не собиралась!

— Тогда что ты там делала? — взревел бугай. — Подышать решила?

— А может и решила!

— Хватит, — прервал их Денис, впервые проявив жесткость. Он посмотрел сверху вниз глазами, полными мольбы и сожаления. — Ева, что происходит?

— Меня заперли в башне и истыкали иголками, если ты не заметил!

— Я не об этом, — с досадой вздохнул Денис. — Тебе не нужно сбегать от лаборантов и свешиваться с окон, если ты хочешь что-то сказать.

Ева постаралась вложить во взгляд все отвращение, которое испытывала. Хотя она даже без зеркала понимала, что у Германа или Артура получилось бы лучше. Она открыла рот, чтобы бросить Денису очередную колкость, но передумала, и шумно выпустила воздух из легких. Она больше не доверяла тому, кого раньше величала охотником. Знала, что он ничего не сделает. Однако и сама не могла ни на что повлиять. И если прямо сейчас она еще раз попросит исполнить ее просьбу, выполнят ли ее? Или слова опять улетят в щель под окном вместе с северным ветром?

Тяжело вздохнув, Ева все же произнесла:

— Я хочу попасть в старую лабораторию и встретиться с Джулианом.

— Кто это? — Игнат потер подбородок, будто пытался припомнить имя.

— Парень из моей деревни, — быстро ответил Денис.

— Да как же, размечталась, — возмутился бугай.

— Но мне обещали!

— Никто тебе его не приведет, — Игнат навис над девочкой, скрывая свет от лампы. Ищейка был таким широким, что Денису пришлось отступить на шаг. — Но насчет лаборатории поговорю.

— Зачем? — удивилась Ева, не веря ни единому слову.

— Как я и сказал, быть ищейкой — честь. И мы не такие плохие, как ты думаешь.

Бугай резко выпрямился и покосился на Дениса. Тот растопырил руки, как всегда делал, когда пытался защититься, и поплелся в коридор, не произнеся ни слова. Вот тебе и защитник. Ева знала, что так будет, но молчание Дениса все равно тупой болью отзывалось в сердце.

— Больше никаких глупостей, иначе можешь забыть о любых прихотях, — бугай шумно закрыл окно и вырвал ручку. На пол отлетел кусок пластика. Ева подняла его, покрутила в руках и с грустью вздохнула, понимая, что больше не вдохнет северного воздуха.

Следующие два дня ничем не отличались от предыдущих. По утрам Еву водили к лаборантам, а затем возвращали в холодную комнату. Денис ее избегал, Игнат караулил возле двери, а Софи раздражала. Ничего не менялось. Вот и сегодня, когда пришла северянка, Ева выдохнула, опустила плечи и поплелась следом за своей надзирательницей.

— Что у тебя на голове? — спросила Софи, окидывая презрительным взглядом взъерошенные волосы подопечной.

Они прошли по коридору и вышли на лестницу.

— Пыталась заплести косу, — безразлично ответила Ева. Она перебросила через плечо спутанный хвост и постаралась изобразить беспристрастное выражение лица, как у ищеек, но у нее ничего не вышло. Воспоминания о Кире кольнули под ребрами, и девочке пришлось сжать губы в тонкую линию, чтобы не выпустить наружу чувства.

— Зачем?

— Ты не поймешь.

Ева прыгнула с последней ступеньки и оказалась на несчастном четвертом этаже. Она уже сделала шаг навстречу своим мучителям, но северянка прошла мимо нее и стала спускаться дальше, каблуками отбивая ритм по бетону.

— Ты перепутала этаж? — безучастно спросила Ева, проследив за тем, как длинные волнистые волосы северянки скрылись на лестничном пролете.

— Мы идем в сгоревшую лабораторию.

Ева не поверила своему счастью. Неужели, Игнат действительно сдержал обещание и договорился с Вадимом? Но зачем ему это нужно? Она несмело шагнула на первую ступень, затем вторую, и вскоре чуть ли не бежала за северянкой. Софи быстро спускалась, не задерживаясь на месте, поэтому задать свой вопрос Ева смогла только на первом этаже.

— Там работал мой папа?

— Ага, — небрежно бросила Софи и поправила волосы.
— Вот, надень, там холодно.

Северянка сняла бежевую, пуховую куртку с вешалки возле выхода и протянула Еве. Та мигом облачилась в новую одежду, которая оказалась ей чуть великовата. Софи тоже приделась. Если так можно было назвать черную короткую облегающую куртку с меховым воротником, которая разве что скрывала корсет.

— Хватит копаться, — поторопила девушка.

Ева застегнула молнию и выскочила следом на улицу. Ветер мгновенно обдал лицо ледяными поцелуями, но Ева обрадовалась его прикосновениям. Волосы разлетелись в разные стороны, и девочка на секунду даже улыбнулась. Неутопия в сумерках казалась сказочной. Маленькие прямые улицы, узкие дома в высоту не больше двух этажей и множество ярких огней. Праздник в лесу мерк по сравнению с тем, что видела Ева теперь.

На улицах не было ни души, но город не выглядел забытым. Он дышал, жил и бушевал, напоминая Еве двух ее друзей. Такой же грозный и прямолинейный, как Герман, и весьма вспыльчивый и агрессивный, как Артур. Неутопия собрала в себе несочетаемое и, несмотря на суровость, понравилась Еве. От одной мысли, что в далекие времена таких городов было множество, у девочки заняло сердце. Она в очередной раз поразилась, как люди могли все испортить и потерять.

— А где все? Обычно под моими окнами ходит много людей.

— Видимо ты смотришь вниз только днем. В городе введен комендантский час, никому нельзя покидать дома после четырех часов дня.

— Почему? — нахмурилась Ева.

— Так мы можем предупредить нападение на штаб и лучше контролировать город, — Софи прикрыла ладонью рот, скрывая зевок. Беседы с подопечной ее выматывали.

— Как будто в другое время на вас не нападут!

— Поверь, никто не сможет пройти через весь город и подобраться к Темной башне днем. Это практически невозможно.

Ева поежилась и огляделась по сторонам.

— Раз все прячутся, почему мы вышли на улицу?

— На нас это не распространяется, святоша.

— Но так нечестно, — Ева засунула руки в карманы куртки и ускорила шаг. Казалось, что на улице северянка ходила еще быстрее, если такое вообще возможно. — Вы придумываете правила, а сами их нарушаете.

— Мир несправедлив, привыкай.

Разговор навеял на Еву тоску. Город уже не казался таким волшебным, а неприступная башня вселяла больше ужаса, чем прежде. Окутанная скверными мыслями, Ева не заметила, как они с Софи вышли на площадь, в центре которой возвышалось массивное каменное здание. Ева остановилась перед входом и запрокинула голову, осматривая сооружение.

Форма сильно отличалась от любой постройки на матери-

ке. Даже в Неутопии с высоты своей комнаты она не видела подобных. Вдоль фасада тянулись столбы, которые удлинялись от боковых стен к центру и сходились в высокую башню со шпилем. Ева даже представить не могла, как люди сотворили нечто подобное. Проходя мимо дверей девочка коснулась пальцами холодного камня стены. Она не верила, что здание было реальным. Ей казалось, что от одного лишь прикосновения дом разрушится и исчезнет. Как хижина. Деревня. И лодка.

Стоило им войти внутрь, Ева восхищенно вздохнула. Белоснежные своды удерживали высокий потолок, вдоль которого тянулись небольшие желтые светильники, освещающие здание, а сквозь вытянутые узкие окна проникал лунный свет. Просторный светлый зал отражал характер острова, а само здание сохранилось лучше, чем любое, что Ева встречала до этого. Единственное, что выделялось на фоне идеальных стен – черные полосы в дальнем углу. Видимо, там и случился пожар.

— Что это за башня? — спросила Ева, осматривая высокую конструкцию.

— Бывший храм. Раньше люди приходили сюда, чтобы попросить у бога прощения или помощи, — Софи облокотилась плечом о стену, наблюдая за реакцией девочки.

— А кто такой «бог»?

Северянка звонко рассмеялась, заполнив смехом каждый уголок просторного зала.

— Ты не представляешь, как иронично это слышать от святоши. При тебе не раз кричали «о боги, это же Святой Грааль!». Ничего не смущало?

— Я думала, это ругательство. Типа «какого...»

— Понятно, — перебила Софи, догадавшись, чем закончится предложение.

Девушка вздохнула, оторвалась от стены и прошла в глубину здания. Ева засемила следом. Она не знала, как это помещение выглядело раньше, но сейчас по обе стороны было установлено множество перегородок, за каждой из которых скрывались столы, полки, ящики и бумаги. Много бумаг.

— Я неподходящий кандидат, чтобы духовно тебя просвещать.

— Объясни, как знаешь, — пожала плечами Ева. — Мама всегда отвечала на все мои вопросы. Даже если сама не понимала, как это работает.

— Ну ладно, — Софи облокотилась на один из столов и скрестила руки. — Раньше люди считали, что на небесах живет бог, который и сотворил землю.

— А почему сейчас говорят «боги», а не «бог»? Их стало больше? — Ева обошла стол, но присаживаться рядом не стала. Пусть сегодня Софи и отличалась излишним спокойствием и разговорчивостью, но до «лучшей подруги» ей, как отсюда до хижины пешком.

— Население планеты раньше было в разы больше, святоша. Это тебе не кучка людей на острове, которых, между

прочим, ты своими криками распугала.

Ева показательно смахнула длинную светлую прядь волос с плеча и отвела взгляд от северянки. Она не собиралась перед ней оправдываться. Захотела и накричала, что ей за это сделают? Зато вон, где она теперь стоит. Значит, подействовало.

Софи закатила глаза, но продолжила:

— Разные люди верили в разных богов. Они отрицали существование других вер и принимали только своего единственного бога.

— Странно, — Ева нахмурилась, пытаясь представить то, о чем говорила северянка.

— После Эры безумия люди решили, что все боги, в которых они верили, озлобились на них. Именно из-за отсутствия веры и случилось столько войн, а потом и распространилась мутация. Тогда люди признали, что богов несколько, и стали обращаться ко всем сразу.

— Но если люди приходили в такие дома, чтобы связаться с одним богом. Почему сейчас нет таких мест, когда богов стало много?

— Считается, что это пустая трата ресурсов. У богов есть уши по всему миру. И они услышат тебя даже в лесу.

— А...

— Хватит расспросов. Говорю же, об этом лучше поговорить с кем-нибудь другим. Лаборатория была в пристроенной башне, нам наверх, — Софи быстро спрыгнула со стола

и, виляя бедрами, зашагала к дальней стене. Что же, по крайней мере, Ева узнала, что одно слово из набора ругательств оказалось приличным.

Многочисленные перегородки сменились стеллажами с книгами. Цветные корешки тут же напомнили Еве о папе и вечерах, когда при тусклом свете догорающей свечи он рассказывал удивительные вещи о мире за пределами леса, изредка подкрепляя истории картинками и выдержками из журналов и книг. Теперь понятно, где он их раздобыл.

В конце зала их ждал арочный проход, откуда виднелась железная винтовая лестница. Ева заглянула внутрь. Ступени тянулись так высоко, что девочке уже стало плохо. В последний раз она преодолевала такие расстояния только в путешествии на Север. Тяжело вздохнув, она поплелась за Софи, но ей быстро наскучил подъем. Она решила все же попытаться выудить еще немного информации от надзирательницы.

— Ты не веришь в богов?

— Нет, — коротко ответила Софи и зашагала еще быстрее.

— А как же я? Ты же называешь меня «святошей».

— Такой тебя сотворил твой отец, боги тут не при чем. У святости есть несколько значений, и не всегда дело в вере.

Теперь Ева окончательно запуталась, но уточнять ничего не стала. Софи ушла на приличное расстояние, так что пришлось нагонять ее, перебираясь через одну ступеньку.

Как только они зашли в небольшую комнату на самом вер-

ху, в лицо тут же ударил ледяной ветер. Еве пришлось прищуриться, прикрыв рукой глаза, чтобы спрятаться от нападения холодных потоков воздуха. Когда порывы уменьшились, Ева смогла осмотреться.

Они находились в крохотной комнате, обойти которую можно было бы несколькими шагами. Стены почернели из-за языков пламени, охватившим в прошлом башню, а прямо перед Евой в стене зияла огромная дыра, через которую и проникал дух Неутопии.

— Здесь работал мой папа? — Ева пытаясь перекрычать ветер, но даже так ей казалось, что Софи не расслышала. — Но здесь же ничего нет!

— Все, что осталось, спустили вниз, — так же громко сказала Софи. В отличие от Евы девушка стояла, прижавшись к стене и крепко вцепившись в поручень. — Я решила, что ты захочешь посмотреть, где все случилось.

Ева не поняла, откуда в северянке взялось столько сочувствия, и подозревала, что в этом скрывался подвох. Но соблазн взял верх. Ева осторожно обошла комнату. Именно это место сжег ее папа, потому что хотел унести отсюда ANSEN. Хотел, чтобы он не достался человечеству. Но что скрывалось за его поступком? Ответы должны были остаться в тех вещах, что ждали Еву внизу. Она уже хотела развернуться, но ее внимание привлекло свечение.

Несмотря на предостережения Софи, Ева приблизилась к дыре в стене и замерла. На небе сверкали зеленые, розовые

и фиолетовые полосы света. Они тянулись из-за горизонта вверх, переходя в дуги и волны. Ева думала, что звездное небо, которое она видела с Фабьеном на лодке – самое прекрасное зрелище в ее жизни. Но нет. Эти полосы света пленили ее.

Впервые за четыре месяца Ева ощутила свет там, где долго время клубилась тьма. Надежда зажгла искру в сердце и подарила цель. Не отрываясь от северного сияния, Ева крепко сжала кулаки и решила во что бы то ни стало узнать, почему так важно унести лекарство с острова. А после она обязательно сбежит отсюда, не позволив Вадиму победить.

5. Подожди, скоро явится тьма

ДЕНИС

Слева, справа. Кулаки мелькали перед лицом Дениса так быстро, что он с трудом успевал уходить от ударов. Движения соперника были стремительными и резкими. Слева, справа. Между ударами показалось два разноцветных глаза. Один — голубой, как ледяная вода Атлантического океана. Второй — насыщенно-зеленый, как у его отца. Задумавшись, Денис пропустил выпад. Соперник сразу нанес ему удар, сократил дистанцию и тут же подставил подножку.

В следующую секунду Денис лежал на спине, а Вадим навалился на него всем телом. Охотник попытался сбросить с себя противника, но тот уже зажимал локтем его шею. Черные пятна запрыгали перед глазами. Еще несколько секунд, и Денис точно потеряет сознание. Костлявый локоть надавливал на шею все сильнее, из хватки уже не выбраться. Либо он проиграет и выживет, либо...

Денис дважды постучал по плечу соперника, и давление ослабло. Он вдохнул воздух так, словно это был единственный глоток, отведенный ему в жизни. Схватился за горло и зашелся кашлем.

— Ты поплыл и потерял внимание. Ни о чем не думай,

когда борешься за свою жизнь, — Вадим поднялся на ноги и протянул руку. Все еще восстанавливая дыхание, Денис принял ее и встал следом. — Перед подножкой не сопротивляйся, а подыгрывай. Надо было пойти в ту же сторону, а затем сделать захват и бросок через бедро.

— Понял, — прохрипел охотник, держась за грудь.

— Давай еще раз. Если хочешь быть настоящим ищейкой, то должен победить меня хотя бы раз.

— А какой в этом смысл, если мне осталось несколько лет? — прохрипел Денис. Он уже разогнулся и наворачивал круги по маленькой комнате, восстанавливая дыхание. Несмотря на форму солдата, его не допускали к оружию. И пока остальные ищейки оттачивали навыки во внутреннем дворике с мечами, кинжалами и даже арбалетами, брат гонял его в комнате для тренировок на втором этаже штаба.

— Чтобы не осталось еще меньше.

— Ты сегодня ра... но, — в комнату ворвался Игнат, на ходу обматывая бинтами запястья. Он целенаправленно шагнул к генералу, но увидев Дениса, споткнулся как о последнее слово, так и о мат. — Черт возьми!

— Что ты хотел? — строго спросил Вадим, как обычно скрестив руки за спиной. Плечи расправлены, грудь выдвинута, подбородок вздернут. Он всегда выглядел так, словно выступал перед армией солдат.

— У нас в это время тренировки, — растерянно ответил бугай, то и дело бросая косые взгляды на Дениса. — В про-

шлый раз была ничья.

Игнат усмехнулся, словно удачно пошутил, вот только никто не поддержал его веселья. Охотник скривился, почувствовав стыд за человека, с которым обычно даже не общался. Вадим не изменился в лице, так и смотрел на подчиненного пустыми безжизненными глазами.

— Помню, но планы поменялись. Теперь я тренирую Дениса.

— Этого слизняка? — Игнат пренебрежительно махнул в сторону охотника, отчего тому захотелось выпрямить спину так же сильно, как это делал его брат. — Да тебе и года не хватит, чтобы из него нормального солдата сделать! А пока будешь с ним нянчиться, сам растеряешь все навыки.

— Я разве спрашивал твое мнение?

От ледяного голоса вся легкость улетучилась с лица Игната. Он, наконец, понял, что сейчас перед ним стоял не друг, а генерал, который требовал беспрекословного подчинения. Бугай выпрямился, сложил руки за спину и в упор посмотрел на командира.

— Никак нет.

— Вот именно. Назначь тренировку с Софи. Тебе следует поработать над маневренностью, она хорошо подойдет. Свободен.

Задержавшись всего на доли секунды, Игнат коротко кивнул и направился к двери. По дороге он бросил на охотника яростный взгляд, от которого хотелось сжаться и спрятаться

в карман собственного кителя. Бугай не жаловал Дениса с первого дня на Севере, и у него были на это причины.

Сначала все думали, что милосердие Вадима – просто шутка. Даже сам Денис не верил, что жестокий и безжалостный генерал сохранит ему жизнь, но, видимо кровные узы имели вес. Потом солдаты будто бы ждали, когда новенький надоест их командиру. Но стоило ему вступить в ряды ищеек — у Игната снесло крышу. Денис до сих пор до конца не понимал, на что правая рука генерала злится больше: на то, с какой легкостью новенький получил место, или то, что отобрал его у Игната. Судя по всему, бугай считал Вадима своим лучшим другом, а появление брата перевернуло жизнь в Темной башне с ног на голову.

Желая скорее отделаться от мыслей о том, как просто Игнат мог бы задушить его ночью, Денис вернулся к теме тренировок.

— Кто учил тебя сражаться?

— Всему научился в академии ищеек, — мгновенно ответил Вадим, будто не отчитывал Игната пару минут назад. — Это школа военных на севере острова. Ее окончил отец Германа, он сам, а потом и меня туда отправил.

— И ты всегда хотел быть ищейкой? — Денис, наконец, выровнял дыхание, и теперь мог спокойно задавать вопросы. Пока Вадим шел на контакт, охотник решил воспользоваться редкой возможностью приблизиться к брату и не напоминать о продолжении тренировок. Вместо этого он оперся на один

из широких подоконников и скрестил руки на груди.

— Мне не дали ни времени, ни возможности выбрать другую судьбу, — генерал по-прежнему неподвижно стоял в центре ринга, широко расправив плечи. Он говорил четко и громко, и смотрел в одну точку дальней стены. — Германа не волновали мои желания, а все наши беседы сводились к поручениям. Он мало говорил, потому что не хотел открывать правду на некоторые вещи, а врал плохо. Но если уж делал это, то тщательно готовился, продумывал детали. Вот что он сказал тебе про родителей?

Медленно, будто голова его держалась на шарнирах, Вадим повернулся в сторону Дениса. Внезапная смена разговора и пристальный взгляд ледяных разноцветных глаз сбил с толку охотника. Он нервно переставил ноги с места на место и плотнее прижал руки к себе.

— Родители захворали и умерли, когда я был младенцем, а он стал за мной приглядывать.

— Чушь собачья, — Вадим выплюнул слова и сильно сжал челюсти. Он редко показывал эмоции, но когда речь заходила об отце, то на лице проскальзывали признаки человечности. — Герман – отвратительный муж и отец. Даже жена сбежала от него с каким-то фермером. Он к своим подчиненным относился лучше, чем ко мне, а чтобы взять чужого ребенка на воспитание — да никогда.

Денис, не поднимая головы, с жалостью посмотрел на Вадима исподлобья. Ищейка говорил о жизни Германа так,

словно не был ее частью. Словно не его мать оставила сына. Не его семья развалилась на части. И не маленький мальчик, лишенный тепла и любви, оказался в суровой военной академии. Внезапно охотник осознал, что Вадим, возможно, всю свою жизнь испытывал пронзительное чувство одиночества. И в этом они оказались бесконечно схожи.

— Почему тогда он заботился обо мне, но не говорил, что мы родственники?

— Не путай заботу с выгодой. Ты был здоровым, крепким мальчиком. А он – старик-отшельник. Он вырастил тебя таким же солдатом: ты помогал, был удобным и преданным. До поры до времени.

Денис сглотнул. Ему не нравилось, куда свернул разговор. Он хотел больше узнать о брате и его жизни, но тот ловко вызвал призраков прошлого охотника. Каждое правдивое слово, как острое ножа, резало Дениса наживую. Он вновь и вновь словно испытывал на себе действие PLESAL, когда кости ломались, выкручивались и срастались, а по венам вместо крови текла раскаленная лава.

— Так ты с самого начала следил за ним и знал, что я его сын? — Денис задал вопрос, который мучил его больше всего последние месяцы.

Тень улыбки промелькнула на холодном безжизненном лице ищейки.

— Мне нравится, что ты соображаешь, — Вадим встал по правую руку от брата и взгляделся в пейзажи Неутопии

сквозь запотевшее стекло. — Я не знаю, в какой части материка ты родился и что случилось с твоей матерью. Но раз ты остался со стариком, предполагаю, что она умерла. Первый раз я увидел вас, когда тебе было около двух. Вы шли по лесу, а ты вообще не затыкался ни на секунду. Еще тогда я не понимал, как старик терпел такого ребенка. Во второй раз тебе было пять. Вы жили в деревне на востоке материка. Я узнал тебя по болтовне. Ты единственный из поселения скакал на лошади и не замолкал ни на секунду. Потом еще несколько встреч, но каждый раз, когда я подбирался к вам, Герман словно чувствовал мое приближение и исчезал. Не знаю, как он это делал. Но вот когда он использовал на тебе PLESAL – сомнений не осталось.

Денис внимательно слушал рассказ о своем прошлом, и на каждую историю в голове всплывали яркие образы – воспоминания. Но ему никак не давала покоя одна мысль и, решившись, он все же задал пугающий вопрос.

— Ты его преследовал, чтобы убить?

— Разумеется, — выпалил ищейка не раздумывая. — Он испортил мою жизнь. Из-за него меня били шокером через день, чтобы научить врать. Годами выправляли спину дубинками. За любое неповиновение в академии били розгами. Нас морили голодом, чтобы выдрессировать, как мутировавших животных. Сажали в клетки на неделю, если мы недостаточно ровно ходили, метко стреляли или четко говорили. А по истечению обучения нас выстроили зимой вдоль берега

в тонкой форме и приказали отстреливать всех, кто приблизится к острову. В тот день на Север подошло три корабля, на которых прятались беженцы с материка. Не все ищейки ушли оттуда живыми. Но я выжил. Прошел через ад назло ему. Доказал, на что способен. И в тот момент решил: он заплатится за все, что сделал с моей жизнью.

С каждым предложением глаза Вадима все больше наливались злостью, в голосе появлялась дрожь, а кулаки за спиной сжимались так сильно, что костяшки побледнели и сравнялись цветом с его волосами. Денис рядом не дышал. Он замер, скованный жалостью, ужасом и страхом, и только искоса поглядывал на брата в ожидании его дальнейших действий.

Вадим прокашлялся.

— Все же из этого я извлек урок, который пытаюсь донести и до тебя.

Ищейка резко развернулся на пятках и уверенным шагом направился к двери. Денис не стал спрашивать, о каком уроке шла речь и стоило ли ему следовать за братом, поэтому он молча оторвал себя от подоконника и очутился в коридоре.

Тренажерный зал находился на втором этаже Темной башни вместе с комнатами остальных солдат и оружейной. Пока Вадим продвигался к лестнице, проходившие мимо ищейки четко, но скромно отдавали честь и замирали, желая слиться с каменными стенами. Генерал не отвечал. Он плыл по коридору, не обращая ни на кого внимание, вселяя еще больше

ужаса в и без того запуганных подчиненных.

Преодолев несколько лестничных пролетов, Денис с братом вышли на шестом, последнем этаже. Охотник ожидал, что они свернут направо, в кабинет для совещаний. По крайней мере Денис очень надеялся, что урок, вынесенный из академии, ему передадут там. Но нет. Вадим свернул налево. Он держал курс к самой дальней и широкой двери, которая никогда не открывалась при Денисе.

Круглая ручка повернулась. Четыре размашистых шага, и вот за охотником уже хлопнула дверь. Они очутились в большой темной комнате с высокими потолками. Ни один луч света не проникал сквозь плотно задернутые шторы, что сразу привлекло внимание Дениса. Все без исключения любовались видами Неутопии. Более того, жители острова ловили каждый рассвет, чтобы успеть насладиться солнцем. Но только не в этой комнате. В помещении стоял тяжелый, влажный воздух и запах мокрой земли, гниющей древесины и тухлых яиц. Денис поморщился. Кажется, он уже слышал такую вонь, но никак не мог припомнить, где именно.

В центре комнаты стояла массивная деревянная кровать с фиолетовым балдахином. Только приблизившись Денис смог разглядеть среди гор подушек человека.

Блеклые светлые с проседью волосы рассыпались на постели, а морщины обрамляли худое, осунувшееся лицо женщины. Такое же бледное, как верхушки гор вдали острова. Она была примерно ровесницей Германа, но в современном

мире невозможно определить ее точный возраст. Ее большие впалые глаза были прикрыты, но веки еле заметно дрожали. Охотник не назвал бы ее красивой. По ее внешности понятно лишь то, что женщина прекрасно вписывалась в северную природу, словно сама была ее частью.

— Кто это? — прошептал Денис, рассматривая спящую.

— Хельга, — Вадим протянул ее имя с нетипичной для себя интонацией, словно наслаждался каждой гласной. — Это правительница Неутопии и Севера. Ее предки основали академию ищеек, построили город и возвели границы вокруг острова.

— Почему она здесь? Она слышит нас? — волнение охватило Дениса. Он бегло осмотрел женщину, а затем и комнату, но больше никого не нашел. Плохое предчувствие выползло из-под кровати, вскарабкалась по униформе, забралось под китель и пробежалось вдоль позвоночника.

— Как ни прискорбно это говорить, но Хельга тяжело больна, — Вадим снова соединил руки за спиной, наклонил голову и безучастно следил за дыханием женщины. — Странный недуг охватил ее десять лет назад, и с каждым годом развивался все сильнее. Никто из целителей так и не смог найти причины.

— Все это время она лежала здесь?

— Угум, — протянул Вадим. — Пришлось взять большую часть государственных вопросов на себя. Поначалу старейшины сомневались во мне. Не доверяли, проверяли каждое

принятое мною решение. Даже приставили ко мне сторожа.

— Почему?

— Видишь ли, у нас с Хельгой были разные взгляды на жизнь. Поначалу она тоже искала лекарство, как и я. И даже использовала не совсем, скажем так, честные методы.

— И ты смог ее разоблачить? — осторожно спросил Денис в надежде, что брат не придаст значения столь пристальному расспросу.

— Именно. Парадоксально, но Герман, сам того не зная, поспособствовал этому, когда разбил мне лицо. Но важнее то, что время расставило все на свои места. Наша правительница оказалась недостаточно сильной духом. Она решила прикрыть исследования. Я же хочу не просто спасти мир, но и изменить его. За последние годы под моим управлением Неутопия расцвела, и старейшины перестали видеть во мне угрозу.

Охотник нахмурился, собирая все сказанное в единое целое. Судя по тому, как Вадим перевел тему, он не станет рассказывать о хитрости, на которой подловил правительницу. Зато он с большой гордостью делился своими успехами во время ее отсутствия.

— Ты сказал, прошло десять лет. Значит, Хельге стало плохо после того, как Бруно сбежал.

— Верно, — коротко ответил Вадим, но больше не проронил ни слова, будто выжидал.

Вместе со страхом усилился и запах. Поморщившись в

очередной раз, Денис прикрыл рукой нос и отвернулся. Его взгляд тут же зацепился за черные стебли, которые торчали из-под кровати. От догадки перехватило дыхание. Он знал это растение. Именно его собирала Кира.

— Теневой подорожник, — прошептал Денис.

Вадим довольно кивнул, обошел кровать и встал у изголовья.

— Ну что, брат, какой самый ценный урок преподавал мне Север? В чем смысл нашей жизни? И как получать желаемое?

Денис был в ужасе. Он не мог отвести взгляда от разноцветных безжизненных глаз.

— Власть, — одними губами прошептал Денис.

Как только слова прозвучали, Вадим ловко вытащил подушку из-под головы Хельги и тут же накрыл ею лицо женщины. Денис отшатнулся. Он хотел закричать, позвать на помощь, попросить брата остановиться. Не может же он задушить безоружную женщину? Или может? Охотник оцепенел. Он в ужасе смотрел за тем, как тело Хельги содрогается легкой конвульсией. Из-за паралитических свойств растения она даже не могла сопротивляться.

— Контролируй их жизни, иначе они будут контролировать тебя, — сквозь зубы процедил Вадим, сильнее сжимая в кулаке подушку. — Только так можно изменить мир. Избавиться от всех долгожителей. И стать единственными владельцами лекарства.

Женщина прекратила дергаться. Ее руки обмякли, а в комнате повисла пугающая тишина. И как ни странно, больше всего Дениса страшило не то, что сделал Вадим. В глубине души охотник всегда знал, на что способен этот человек. Его пугала родственная связь с ним. И тогда, на материке, играя с Евой в глупые догонялки у фиолетовой машины, он даже не догадывался, что не зря примерял на себя роль чудовища.

6. Подожди подарка судьбы

АРТУР

Угасать. Артур не понимал значения этого слова, пока его девушка, Мишель, не простудилась. В ту зиму дули сильные ветра и каждый день шли дожди. Все оказалось до неприличия глупо: она промокла, и ее просквозило. Румянец сошел с щек к вечеру, на следующий день поникли плечи, еще пару дней, и ее лицо осунулось, а волосы потускнели. И через три дня она умерла. Серебряное кольцо – все, что осталось у парня от Мишель. Нежная и хрупкая, как эта корона, девушка покинула холодный мир, оставив после себя лишь россыпь фиолетовых камней и огромную зияющую дыру в сердце Артура.

Рыжеволосый силач знал, каково это: видеть, как близкий друг умирает. Поэтому он понимал, что происходит с Германом. Уже несколько дней старик не вставал с постели. Мало ел, тяжело дышал, то и дело проваливался в сон. За эти дни он явно сбросил несколько килограмм, кожа отдавала нездоровым мышинным цветом, а когда старик заходиллся кашлем, казалось, будто стены дома правления рассыпятся от вибрации.

Вот и сейчас кряхтение Германа доносились даже на тер-

расе заднего двора. Не выдержав, Артур подскочил с деревянных ступеней и плотно закрыл дверь в дом, словно от этого движения стены вдруг станут толще и приглушат звук кашля.

— Он все так же? — послышался мужской голос за спиной.

— Да, — Артур обернулся и встретился взглядом с высоким, бородатым парнем. Тем самым, который работал у южной башни. Он выглядел так же, как и половина мужчин в деревне: широкоплечий, светловолосый и голубоглазый. На самом деле у него был такой непримечательный внешний вид, что после встречи Артур ничего другого вспомнить и не мог, кроме бороды. Даже имени.

— Жаль, вроде хороший мужик. Тогда передай ему, как придет в себя, — бородатый долгожитель протянул продолговатый чехол из плотной темной кожи, к которому крепились несколько ремней.

— Что это? — Артур развернулся всем корпусом и принял вещицу.

— Ножны для мачете, их на спину крепят. Мой отец смастерил по просьбе твоего друга.

— Но у него... — силач осекся. С недавних времен продолговатым ножом с широким лезвием владел только он сам.

— Кхм, я передам.

— Спасибо, — бородач мялся на пороге, но уходить не собирался.

— Что еще?

— Да узнать хотел, раз уж встретились. Знаешь ли, тебя редко в деревне увидишь. Я даже одно время думал, что ты ушел, а потом заметил, как ведра у реки набираешь и...

— Ближе к делу, — Артура раздражали пустые разговоры, особенно с малознакомыми людьми.

— У вас с Агнес что-то есть?

Силач ожидал любого вопроса, но только не такого. Он так устал от этой девушки, а тут еще кто-то ей интересуется.

— Нет у нас ничего, и не нужна она мне. Сколько можно всем это объяснять?!

— А кто-то еще спрашивал?

— Да чтоб тебя, — силач выдохнул и мысленно сосчитал до пяти. Единственный совет Татьяны, который не особо помогал. — Мужик, нет у нее никого. Иди уже к ней, наделайте кучу долгожителей и живите счастливо.

Не дожидаясь очередного вопроса, Артур распахнул дверь и скрылся в темноте дома. Он прошел мимо лестницы на второй этаж и трех дверей, ведущих в жилые помещения, и вышел в общую комнату, объединенную с кухней. Взгляд тут же задержался на узкой кровати в углу. Ее установили здесь еще четыре месяца назад, поближе к кипяченой воде, чтобы остальным было легче ухаживать за раненым силачом, и, к несчастью, койка не раз пригождалась с тех пор. Теперь ее занимал Герман.

Повесив ножны на крючок рядом с дверью, Артур пересек

кухню и подсел за стол к Тихону. Тот, не обращая ни на кого внимания, помешивал травяной чай, уперев взгляд в одну точку. Толстяк словно никого вокруг себя не замечал, а мысли его улетели далеко за пределы топей.

— Ничего, Герман – крепкий малый, он справится, — приговаривал Тихон, не переставая мешать ложкой мутную воду в керамической кружке. — Такой, как он, еще пару лет будет раздражать нас своим ворчанием.

Артур кивнул в ответ, сжав губы в тонкую линию, и исподлобья глянул на Тихона. Его переживания напомнили силачу самого себя на лодке, когда Фабьен мучился от ран. Парень не забыл чувство беспомощности, с которым приходилось мириться. Жалость, бессилие и подавленность. Ужасная неделя, о которой хотелось бы забыть. Никакие слова поддержки и глупые «все будет хорошо» не спасут. Единственное, что поможет толстяку – отвлеченные темы.

— Вы знаете друг друга всю жизнь? — Артур взял со стола яблоко, протер о край футболки и надкусил с одной стороны. Кислый сок разлился по языку, заставляя морщиться.

— Можно и так сказать, — слабо улыбнулся Тихон. — Мы познакомились в академии ищеек, когда нам было по четыре. Примерно, как Еве сейчас.

— Ой, понятно. Ты весь такой добродушный, а Герман за тебя заступился. У нас с Фабьеном также было.

— Тю! — от возмущения Тихон даже перестал мешать чай и перевел взгляд на собеседника. — Он мне в морду зарядил

будь здоров. Глаз заплыл мгновенно!

Силач прыснул от смеха, но тут же прижал ладонь к губам, чтобы скрыть веселье. Слабо он представлял, как Герман размахивает кулаками. Обычно этим промышлял сам Артур.

— А ты что?

— Тоже наваял ему, — усмехнулся Тихон своим же словам и покачал головой. — Вместе у лекаря сидели потом, там и познакомились.

— Не знал, что ты тоже был один из них, — силач скривился. Ищейки не вызывали у него ничего, кроме отвращения и ненависти. От злости он снова надкусил яблоко и яростно зажевал.

— Больше никуда не мог пойти. Нигде мне места не было, а там — почет и уважение. Как никак, служишь народу Севера и борешься за благо человечества, — в словах Тихона слышалась гордость за место, где он провел детство и дело, которому посвятил часть жизни, но причины до сих пор оставались для Артура загадкой. — А вот у Германа свой путь. Это семейное. У них все служили: и отец его, и сына, Вадима, он тоже туда отдал. Были бы внуки — и они бы пошли следом.

Раздался очередной хруст, а за ним хвостик от яблока перелетел через комнату и очутился в мусорном ведре. Руки освободились, но злость так внезапно накинута на Артура, что ему пришлось сжать кулаки. Он всеми силами пытался

сдерживаться, как учила Татьяна, но с каждой секундой выдержка давалась с большим трудом. Тихон заметил недоверие парня, потому, наконец, отставил кружку в сторону, и пустился в объяснения:

— Ты не думай, что ищейки – какие-то недоноски, которые только и могут, что убивать и грабить. На Севере попасть в академию — очень престижно, а быть одним из них – значит, получить статус, о котором многие лишь мечтают, — толстяк раскинул руки в стороны, пытаясь показать все величие и важность службы. — Ее отстроили на севера острова, на вершине скалистого берега вдоль моря. Двухэтажный, каменный особняк – красивое зрелище.

Толстяк кряхтя сходил на кухню, вернулся и, подлив себе в кружку кипятка, продолжил.

— Академия такая же суровая, как и сам остров. Из нас готовили не просто солдат, а защитников человеческого наследия. Но несмотря на тяжелые тренировки, строгих наставников и мучительные испытания, к нам относились справедливо. Вот только Вадим этого не понимал. Отмороженный придурок, которого даже академия не исправила.

— Может, не так уж справедливо там было? Не мог же он из всех вас один такой получится!

— А вот сам подумай, — Тихон отхлебнул чай. — Однажды на остров прибыло несколько кораблей. Моряки не высаживались, ничего не требовали, а привратники на этой стороне не могли понять, что им нужно. Для подстраховки

отправили выпускников академии, в группе был Вадим и его сокурсники. Ищейки сторожили берег два дня, а потом, ни с того ни с сего, люди с кораблей пробрались под покровом ночи и начали убивать всех, до кого могли дотянуться. Страшная была бойня. Остров мы отбили, но знаешь, что? Вадим перестрелял даже своих собратьев, с которыми учился, а сам прикрывался приказами. Герман еле вытащил его из-под трибунала.

— Псих разноглазый, — Артур с радостью выплюнул бы слова в лицо ищейке.

— Вот-вот. Тогда, кстати, его гетерохромия и усугубилась.

— Гете... чего?

— Цвет глаз, — пояснил толстяк, провернув кружку по часовой стрелке, перехватывая ручку. — Раньше разница была не так заметна. А после того случая Герман и ему навалял, как мне когда-то. У Вадима глаз сильно заплыл. Думали, что может ослепнуть, но нет. Зато один глаз стал темнее, зеленоватый такой. Вадим даже тогда к правительнице попал на личную встречу.

— И его отпустили?

— К сожалению, да, но на острове ходили слухи и нелестные отзывы о нем, а на материке сосунок и вовсе обосрал и предназначение ищейек, и свою репутацию заодно. Тьфу.

— Но как он попал сюда, если был плохим солдатом? — злость понемногу угасала, сменяясь интересом. Артур боль-

ше не пытался занять руки, потому смело отказался от очередной порции чая, которую подсовывал ему Тихон. Силач никак не мог понять, почему все так любят это травяное пойло.

— Когда Бруно сбежал с Севера, за ним отправили отряд. Сам понимаешь: ученый, разработавший лекарство долголетия, удрал в неизвестном направлении и прихватил с собой формулу, хех! Тут нужны лучшие, вот нас и послали.

Тихон, громко хлюпая, отпил еще глоток чая.

— Отряд возглавил сам генерал Севера – Герман, ведь миссия носила чрезвычайно важный статус. Я тогда был его правой рукой, а сам Герман хотел, чтобы в этой вылазке Вадим многому научился, потому и взял сына с собой. Но тот прихватил парочку друзей из академии, в том числе Игната. С ним ты уже знаком.

— Еще бы, — Артур неосознанно провел рукой по правой стороне торса, где остался розоватый рубец после схватки с ищейками.

— Помимо нас отправилось еще шесть профессиональных ищеек. Всем ввели ANSEN как раз за год до этого, так что длительное путешествие нас не пугало. Мы выдвинулись за ученым буквально через несколько часов, но стоило нам прибыть на материк, как его и след простыл. Даже сейчас, после десятилетий, проведенных в штабе прибрежного города, не представляю, как ему это удалось.

— И куда вы пошли?

— К старой башне, это...

— В бывшей Франции что ли? Как в песне? — от удивления Артур резко придвинулся к Тихону, из-за чего стол пошатнулся, а часть чая вылилась.

— Быстро, однако, она разлетелась, — подметил Тихон, вытирая рукавом пятна под кружкой. — Да-да, к той самой. Бруно один из первых услышал эту песню. Мы решили, что он туда отправится.

— И что, он там был?

— Да, как нам показалось, но мы его не застали. После башни след окончательно оборвался. Мы потратили на поиски целый год и уже собирались возвращаться, вот тогда Вадим устроил настоящий переворот власти.

— В смысле? Против собственного отца пошел? — разговор все больше завлекал Артура, и он уже забыл, что завел его, чтобы отвлечь Тихона. На деле силач сам не замечал ничего, что происходил вокруг, поглощенный историями прошлого.

— Кровные узы для него никогда не были священны. Сомневаюсь, что в этой жизни для него вообще хоть что-то свято! — Тихон с таким пренебрежением отозвался о Вадиме, что даже Артур удивился. Обычно мужичок в шляпе отличался дружелюбием, на худой конец занимал нейтралитет, но чтобы так открыто выражать неприязнь — исключительный случай.

— Вы же целой кучей таскались. Почему остальные по-

шли за ним? — Артур всплеснул руками, но толстяк предусмотрительно не возвращал чашку обратно на стол, так что в этот раз силач ничего не разнес.

— Этот мелкий гад целый год настраивал ищеек против командира. Поначалу мы ничего не замечали, с головой ушли в поиски ученого. Потом, когда в группе появились первые нездоровые признаки, списали все на усталость. Образ жизни кочевников мало кому придется по душе. Но даже так никто не бросал вызов Герману. А вот когда Вадим заявил о своих правах на звание, ребята осмелели.

— Все равно не понимаю, как ему удалось настроить против вас целый отряд!

— Вот и мы не поняли, — вздохнул Тихон, залпом выпил остывший чай и с грохотом вернул кружку на стол. — Тогда он был самодовольным сопляком, не больше. Жесткость пришла к нему за последние десять лет. Я не предал друга, остался с Германом. Мы ушли из группы, с тех пор странствуем.

— А что с Севером? — не унимался Артур. Ему хотелось выжать из истории все подробности. — Разве вас не искали?

— Вадим выдал свою версию, в которой мы стали предателями острова, а остальные ищейки подтвердили его слова. Единственное, я все никак не мог понять, как правительница допустила такое. Поддерживать озлобленного подонка, почему? А потом узнал, что она долгие годы прикована к постели. Все важные политические решения принимает совет,

а у Вадима там есть влияние. Так все и покатилося к чертям.

— А ваши семьи?

— Как я уже сказал, меня никто не ждал, а вот жена Германа...

В эту секунду с койки донеслось сопение и недовольное бормотание. Тихон тут же оборвал разговор и кинулся к другу.

— Герман! — толстяк плюхнулся рядом с ним на кровать.

— Не надо так орать, — заворчал старик, и Артур немного расслабился. По крайней мере Герман вел себя, как обычно.

— Что случилось? — из жилой комнаты выбежала Татьяна, попутно накидывая халат поверх легкого ночного костюма.

— Герман очнулся! — радостно выкрикнул Тихон, подпрыгивая на кровати, из-за чего старик снова захрипел. — Как ты?

— А как по-твоему я могу быть с разрастающимся раком? Паршиво!

— Отлично! — обрадовался толстяк и похлопал его по плечу. Артур и Татьяна изумленно уставились на друг на друга. Даже Герман вскинул бровь. Заметив всеобщее недоумение, Тихон прокашлялся и объяснился. — Он ворчит! И сказал «паршиво». Идет на поправку.

В его словах оказалась логика, так что остальные молча кивнули. Завязав тугой узел на поясе, Татьяна прошла через кухню и достала из нижнего шкафчика стеклянную банку,

обязанную сверху тряпкой. Развернув ее, она вылила содержимое в кружку и протянула ее старику.

— Дорогой, я приготовила специальный отвар, он тебе поможет.

— Мне уже ничего не поможет, — возмутился Герман, но снадобье принял. Более того, даже осушил кружку, и только затем откинулся на подушку, прикрыв глаза. — Сколько я был в отключке?

— Три дня, — тут же ответил Тихон, будто все еще находился на службе у командира.

— Что с Евой?

— Устроила скандал. Мой человек вовремя все остановил. Вроде как даже договорился пропустить ее в сгоревшую лабораторию.

— Верещит, значит. Ну хоть что-то хорошее от Киры взяла, — пробубнил старик и тяжело вздохнул.

От его слов Артур стиснул челюсти, а кулаки сжал до белых костяшек. Он собирался уже высказать все, что думает о старике, но перед глазами возникла Татьяна. Она преградила собой дорогу к койке и одарила силача многозначительным взглядом.

«Считай», — одними губами произнесла она.

Артур не соглашался. Он кивнул, чтобы женщина отошла в сторону и не загоразивала Германа, но та не двинулась с места. Ее серые глаза были наполнены решимостью. Она незаметно подняла перед собой руку и показала Артуру пять

пальцев.

— Ей повезло только в этот раз, друг мой, — продолжил Тихон, не замечая безмолвной беседы позади себя. — Со-
мневаюсь, что твой отпрыск будет спускать ей такое.

«До пяти», — снова беззвучно произнесла женщина.

Как же Артур хотел накричать на нее! Легко сказать, до пяти. Стиснув челюсти, он глубоко вздохнул, но через пять секунд ничего не изменилось. Возможно, стоило начать считать про себя подольше. Хотя бы до ста.

— И как в огромной башне твой шпион все время оказывается рядом? Он ее сторожит, что ли? — кряхтя, спросил Герман.

— Не могу сказать, это слишком опасно, — толстяк мотнул головой, отчего его шляпа покачнулась из стороны в сторону. — Но тебе не понравится то, что ты узнаешь.

— Это один из ищек, с которыми мы мило поболтали на пляже?

— Герман, — вздохнул Тихон, ниже натягивая шляпу. — Перестань гадать.

— Вряд ли на Севере остались люди, которые могут быть верными. Обычно таких ломает на части между долгом родине и службой тебе.

Артур тоже скривился, перебирая в уме всех ищек, с которыми был знаком. И ни один из возможных вариантов ему не понравился. Зато размышления отвлекали лучше, чем цифры. Удостоверившись, что силач забыл о том, как хотел

наброситься с кулаками на больного, женщина отошла в сторону.

— Отдыхай, дорогой. Утром будет немного лучше, — она коротко кивнула старику и, едва коснувшись спины мужа, ушла в комнату. Артур решил, что в касании скрывался тайный знак, потому что Тихон поднялся следом.

— Она права, — закивал толстяк, но его слова оказали совершенно противоположный эффект. Герман тут же выпрямился и попытался безуспешно встать. — Да что же это такое! Ну хоть раз послушал бы друга!

— Занимайся своими делами, у меня все нормально, — пробубнил старик и с пятого раза все же сел.

Тихон недовольно покачал головой, но спорить не стал. Попрощавшись со всеми, он скрылся в глубине дома, оставив путников наедине. Сквозь приоткрытое окно доносилось кваканье лягушек и шуршание ветра. В печи догорали остатки поленьев, наполняя комнату приятным треском. Артур вслушивался в звуки, окружающие его, барабанил пальцами по деревянному столу и гадал, долго ли продержится старик в таком состоянии.

— Что? Думаешь, как скоро я схохну? — выплюнул слова Герман и, тяжело дыша, уставился на рыжую копну волос.

— Угум, поспорил с Тихоном на неугласник. Хочу говорить на других языках и не учить их.

— Я знаю, что это такое, — старик снова откашлялся. — А он что хочет забрать?

— Мачете. Но он его не получит. Уверен, что выиграю.

— Почему это?

— Тебе осталось около месяца. Он говорит больше. Но он ошибается.

— Это мне всегда в тебе и нравилось, — прохрипел Герман и сел удобнее. — Говоришь, что думаешь, никого не жалеешь и идешь напролом.

Артур несколько раз моргнул, словно хотел сделать зрение острее. Он не верил, что Герман способен на такую откровенность.

— Ты вот сейчас серьезно?

— К сожалению да, — старик опять прокашлялся и продолжил. — Нас перебили в прошлый раз.

— Да нет, ты просто чуть не задохнулся.

— Достань футляр, — Герман проигнорировал колкость и кивнул на черный чемоданчик с большими блестящими пластинами – солнечными батареями. Артур послушно достал вещь из-под стола и протянул старику, но тот отмахнулся. — Открой.

Силач и тут спорить не стал. Раскрыл футляр и извлек оттуда фиолетовый флакон. Артур повертел его в руках и наткнулся на записку. Буквы не похожи на те, которым его обучали, из-за чего он разозлился. Столько месяцев упорных занятий, и все равно в таких ситуациях он выглядел идиотом.

— И что это? — сделал он выпад, вертя в руках ампулу.

— Там же написано, — вздохнул старик.

— Объясни! — наседал Артур. Он всегда нападал, когда чувствовал себя уязвимым. И это сработало.

— ANSEN, который разработал Бруно. Он дал мне единственную ампулу перед смертью.

— Но оно же не прозрачное, — вслух подумал Артур и стал внимательнее рассматривать флакон. Герман молчал. Прошло около минуты, как глаза силача округлились. — Быть не может! То же лекарство, что в крови Евы?

— Ну слава богам! Как же долго до тебя доходит.

— Так ты его нес на Север?

— Да, хотел очистить свое имя, но они забрали Еву. Теперь в этом нет смысла. И я передумал. Хочу отдать его тебе.

7. Подожди, ты не будешь одна

ЕВА

Три дня. Столько пришлось Еве ждать, чтобы вернуться в бывший храм и подобраться к остаткам записей. После зрелищного вида северного сияния Софи сразу отозвали обратно в Темную башню, поэтому девочке пришлось вернуться на ненавистный подоконник, однако в этот раз она набралась терпения. Она беспрекословно таскалась в лабораторию, послушно вытягивала руку для игл и капельниц и тихо сидела за закрытыми дверьми комнаты в ожидании нового дня. Даже Игнат удивился ее прилежному поведению и посчитал, что Ева что-то замышляет.

И вот, старания оправдались, и теперь Ева стояла в маленькой комнате без окон, больше напоминающей темницу. Вдоль стен тянулись стеллажи с книгами и коробками, откуда торчали провода и электронные предметы, похожие на те, что были у Тихона в штабе. Эта комнатка пряталась в стене рядом с винтовой лестницей, а дверь была настолько низкой, что северянке пришлось согнуться вдвое, чтобы пройти внутрь.

Вытащив с верхней полки самую пыльную коробку, Софи бросила ее на пол, а сама залезла на стол, запрокинув ноги

на спинку соседнего стула.

— Это все? — Ева удрученно смотрела на торчащие сверху листы бумаги, которых оказалось слишком мало, чтобы узнать прошлое папы в полной мере.

— Скажи спасибо, что хотя бы это осталось! — Софи недовольно цокнула языком.

— Вадим говорил, что есть записка...

— Все там, — безучастно перебили ее.

Ева вздохнула и упала на пол рядом с коробкой. Обугленные обрывки документов рассыпались в руках. Стоило лишь приглядеться, как бумага исчезала прямо на глазах. С каждой новой запиской кровь внутри девочки закипала все больше. Они как будто специально дали ей эту коробку, чтобы она самолично все уничтожила! Ева шумно выдохнула воздух, как две записки растворились на глазах.

— Да что такое! — прорычала она и бросила на девушку яростный взгляд.

Софи, казалось, даже не замечала подопечную. Она тихо напевала неизвестную мелодию, рассматривая каменные стены. Разрез на алых брюках приоткрыл бедро, обнажая клинок с красным камнем в рукоятке. Ева поморщилась. Она прекрасно помнила, как метко та бросала ножи, и даже такое скромное оружие в ее руках могло причинить намного больше урона, чем казалось.

Пришлось вернуться к коробке. Ева осторожно вытаскивала обрывки и вместо того, чтобы держать их в руках, рас-

кладывала на полу. Так-то лучше. Бумага больше не рассыпалась, и девочка могла прочитать записи.

В основном везде были непонятные каракули на всех языках мира. Цифры, символы и подписи к ним складывались в целые листы, но ничего из этого Ева не понимала. Чем дольше она сидела над ними, тем больше чувствовала себя глупой и беспомощной.

Вадим говорил, что она сможет прикоснуться к работам папы и ощутить связь с ним. Какой же наивной нужно быть, чтобы послушать его! Это всего лишь записки ученого, в которых Ева ничего не понимала. Она раздосадованно схватилась за голову и вздохнула.

— Что ты надеялась там найти, святоша? — внезапно спросила Софи, прервав мелодию.

— Не знаю, — призналась Ева. — Лекарство?

— Думаешь, десятилетняя девочка разгадает шифр гения, к которому не смогли подобраться ученые со всей Неутопии? — смех прокатился по комнате. — Ох, Ева, там ничего нет. Только бесполезные черновики. Самое ценное Бруно забрал с собой, а потом передал это тебе со своей кровью. Все.

— Но...

— Что «но»? — Софи внезапно перестала смеяться и выпрямилась. Ее теплый, игривый взгляд мгновенно сменился на мрачный и колкий. Никогда еще Ева не видела в ней столько серьезности. — Если бы ты нашла ключ к долгой

жизни, тебя бы уже не было в живых.

Слова северянки пробирали до костей. Неужели, Ева никогда не выберется с острова? И ей придется оставшиеся дни провести в полном одиночестве в лаборатории, обдуваемой ледяными ветрами? Неужели так и закончится ее долгая жизнь, в которой смысла оказалась куда меньше, чем вкладывали во фразу «Святой Грааль»?

Внезапно дверь распахнулась, и в проеме показалась мощная широкая мужская грудь в форме ищейки. Проход был настолько маленьким и узким, что лицо солдата скрывалось за выступом, но Ева сразу узнала Игната. Других верзил тут не водилось. Ищейка нагнулся и заглянул в комнату. Волосы, собранные в хвост, повисли спереди, обрамляя недовольное лицо.

— Чего тебе, бугай? — тут же спросила Софи, отклоняясь на стол. Вся серьезность улетучилась, и на ее место пришла грациозность и плавность. Девушка выпрямилась и опустила одну ногу на пол, а другой раскачивала спинку стула. — Соскучился?

— Не играй с огнем, красотка. Особенно при них.

— А кто второй? — северянка вопросительно уставилась на него.

— Этот, — бугай протянул руку и вывел из-за угла темноволосого кареглазого парня.

Под ребрами тут же кольнуло, мурашки пробежали от затылка, по шее и перекинулись на спину, а в руках появилась

слабая дрожь. Ева смотрела на второго пленника и не верила своим глазам. Но как только их взгляды встретились, а исхудавшее смурное лицо парня озарилось улыбкой, Ева сорвалась с места.

— Джулиан! — заверещала она так громко, что ее голос эхом разлетелся по храму и, наверное, достиг даже лаборатории. — Джулиан из большой деревни!

Ева перепрыгнула через записки, которые скрупулезно выкладывала последний час, и бросилась на шею другу. Тот подхватил ее на лету, крепко стиснул в объятиях и уткнулся носом в длинные, спутанные светлые волосы девочки. Он стал таким высоким, что, повиснув на нем, Ева не касалась ногами пола. И как он успел так вытянуться за полгода?

— Привет, Ева из забытого города, — прошептал он на ухо, чтобы надзиратели слышали как можно меньше.

Вот только Ева, в отличие от него не соблюдала ни капли осторожности. Она радостно подпрыгивала с каждым словом, из-за чего постоянно ударялась о плечи Джулиана.

— Ты живой! Живой! Джулиан, это ты!

— Ай, — парень отпрянул от Евы, пока на плече не остался синяк от ее острого подбородка, и выпрямился. — Да, это я.

Он сильно изменился. Его голос стал намного ниже по сравнению с тем, что звучал в ее воспоминаниях. А для того, чтобы заглянуть в его глаза, Еве теперь приходилось выше поднимать голову. И вроде бы на нее смотрел тот же маль-

чишка, которого она повстречала в деревне, вот только его карие глаза больше не светились. Джулиан нервно поправил отросшие, спутанные черные волосы и поглядел через плечо. Игнат стоял прямо за его спиной, сложив руки на груди, и даже не собирался уходить.

— Я же просил тебя не попадаться, — взгляд Джулиана вернулся к Еве.

— Проще написать в дневнике, чем сделать это, — возмутилась девочка, нахмутив брови. — Между прочим, я все прочитала, но они его забрали, когда поймали меня.

— Да и ладно, в нем уже нет смысла, — Джулиан засунул руки в карманы черных брюк и пожал плечами. При этом движении нижняя часть лица парня скрылась за широким воротом темно-коричневого свитера. — Но я ничего им не сказал. Только про платье.

— Знаю, — грустно отозвалась Ева, и по ее лицу скользнула та же печаль. Она растянула горловину и обнажила левое плечо, на котором виднелся уродливый белый шрам. — Он оставил очень красивый наряд в ловушке с мутировавшими волками.

— Это они тебя так? — глаза Джулиана округлились, а пальцы потянулись к огрубевшей коже, но в последний момент он отдернул руку. Ева тут же спрятала безобразие обратно под платьем, решив, что Джулиану, наверное, противно на такое смотреть.

— Угум, и я его за это застрелила.

На мгновение, всего лишь короткое мгновение, Еве показалось, что в глазах парня загорелась искра. Он смотрел на нее таким живым и любопытным взглядом, что Ева впервые смутилась. Вдруг она сказала что-то не так, и убийство животных на Севере приравнилось к злодеянием ищеек на материке? Девочка сцепила руки за спиной и уставилась в пол. Джулиан – единственный, кто у нее остался во всем мире, и она не хотела, чтобы он о ней плохо думал. Но вместо осуждения он сказал:

— Повезло, что он не разорвал тебя на кусочки. Представляю, как ты верещала.

Ева глянула на него исподлобья и заулыбалась больше прежнего. Ведь именно эти слова он сказал ей при первой встрече.

— Ой, меня сейчас стошнит, — голос Игната внезапно вторгся в разговор. Бугай скривился, изображая, как ему плохо от этих двоих, и едва задев макушкой арку вышел из комнаты.

— Впервые он оказался в чем-то прав! — скривилась Софи, спрыгнула со стола и подошла к двери. — Ковыряйтесь тут, вернусь через два часа. На улице ищейки. И если кто-то из вас захочет улизнуть... — она прищурилась и погрозила обоим указательным пальцем.

— Знаю! — одновременно ответили ребята, задрали вверх руки и переглянулись.

Ева продемонстрировала шрам на запястье, а Джулиан за-

катал рукав, обнажив след от кинжала на предплечье. Увидев одинаковые рубцы, оба заулыбались еще шире.

— Фу... Все, ушла.

Послышался щелчок в замочной скважине, и ребята остались наедине. Джулиан окинул Еву быстрым взглядом и улыбнулся чуть больше, чем до этого.

— Зато ты нашла платье, — подметил Джулиан и в доказательство своим словам оттянул ткань на талии девочки, ущипнув ее за бок. Она пискнула и вывернулась.

— А ты нашел железную птицу? — Ева вспомнила одну из последних записей в дневнике.

— Я даже на ней летал, — озорные огоньки все же заиграли в темных глазах парня. Джулиан запрыгнул на стол, где еще пару минут назад была Софи. Он сгорбился и размахивал ногами так, будто сидел на заборе в той большой деревне. Будто не было этих жутких месяцев. — Меня привезли в Неутопию пару дней назад. Я так обалдел, когда меня загрузили в эту железную громадину. Даже не подумал, куда мы летим. Понял, что очутился снова в городе, когда показались огни. Нигде на всем острове больше нет таких мест.

— Ты путешествовал по Северу? — Ева медленно пересекла комнату на ослабших от удивления ногах. Забралась на стол рядом с Джулианом и старалась не моргать, чтобы не пропустить ничего из того, чем собирался поделиться мальчишка.

— Не совсем, — он снова растрепал волосы и устремил

взгляд в стену. — Тогда, из деревни забрали четверых. Меня и еще троих обычных ребят.

— Зачем им обычные дети?

— Там все сложно, Ева, — Джулиан вздохнул и нахмурился, словно сам собирал в голове ответ. — Как я понял, из долгожителей они пытаются вытащить недостающий компонент для лекарства, а обычных детей используют для его создания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.